

Богословские труды. Юбилейный сборник Ленинградской Духовной Академии

АНТОНИЙ,
митрополит С.-Петербургский и Ладожский

СВЯТООТЕЧЕСКИЕ ТВОРЕНИЯ КАК ПОСОБИЕ ПРОПОВЕДНИКАМ

История проповедничества

Введение

§ 1. Понятие о ней

История проповедничества есть повествовательное представление господствовавших в христианской Церкви в течение всего ее существования общественных христианско-нравственных наставлений, постепенное раскрытие свойств этих наставлений христианской проповеди, отношений, в которых она находилась к другим формам, и, наконец, тех влияний, которые оказывала она на состояние Церкви от начала ее существования до нынешних времен по отношению к ее вере и членам.

§ 2. Предмет ее

Существенный и главный предмет истории проповедничества составляет христианская церковная проповедь, рассматриваемая в ее последовательном развитии как по отношению к практике ее, так и к теории. Таким образом, она складывается из двух элементов: из истории церковного собеседования, что составляет историю проповедничества в собственном смысле, и из истории его теории — истории Гомилетики. К церковному собеседованию относится всякое общественное, хотя бы даже и совершенно безыскусственное религиозное наставление, сказанное уполномоченными на то лицами пред собранием христиан и направленное к их научению и назиданию. История церковного собеседования занимается по преимуществу изучением

Митрополит Антоний (Вадковский)

главных изменений в его судьбе, повышением или понижением проповеднического вкуса и более или менее целесообразного отправления самой проповеди с ее причинами и последствиями.

История Гомилетики относится ближайшим образом к теории искусства, дававшего церковному собеседованию направление, сообразное его целям, то есть касается различных предписаний и наставлений, служивших в разные времена руководством к церковному собеседованию. С историей церковного собеседования история Гомилетики имеет столь тесную связь, и оба они оказывают друг на друга столь заметное влияние, что весьма полезно и целесообразно изучить их в их взаимной связи.

§ 3. Важность и польза истории проповедничества

История проповедничества есть существенная часть общей истории христианской религии и Церкви. Предмет ее — проповедь, явившаяся одновременно с появлением христианства, была одним из могущественных средств для распространения, сохранения и дальнейшего раскрытия христианского учения. Она производила нередко великие перевороты в церковной жизни и никогда, даже в самых невыгодных для нее условиях, не оставалась без влияния на судьбу христианской религии и Церкви. Содержание христианской проповеди и вообще состояние церковного красноречия известной эпохи находится в ближайшей связи со всеми обстоятельствами, стремлениями и событиями жизни религиозной и церковной. Оказывая на них известное влияние, проповедь в свою очередь сама бывает плодом существующих в известное время суммы религиозных знаний и направлений христианской жизни. Поэтому в проповеди находится верный ключ для объяснения многих важных и богатых своими последствиями обстоятельств жизни религиозной и церковной; в ней же заключается весьма точный масштаб для определения степени религиозного развития в разные эпохи различных христианских народов. В силу такого значения изучение истории проповедничества полезно во многих отношениях. Предмет этой истории по самому существу своему вследствие близкого отношения к важнейшим действиям и благороднейшим потребностям человечества должен быть важен и интересен для всякого мыслящего человека, в особенности же для просвещенного члена общества христианского. История проповедничества составляет драгоценное вспомогательное средство для изучения человека. Она знакомит нас с тем громадным влиянием, какое оказывает религия на образование и нравственное улучшение человека. Еще более изучение проповедничества в его истории полезно и необходимо для ученого богослова, так как он находится в ближайшей связи с историей богословской литературы вообще. Преимущественную же пользу история проповедничества доставляет, бесспорно, христианскому проповеднику. Она не только возбуждает в нем горячее стремление к доставлению своим общественным поучением наибольшего совершенства, наглядно показывая, какое громадное влияние оказывало содержание проповеди на нравственное состояние христиан, но вместе с тем во множестве примеров и образцов дает ему весьма ясное и испытанное руководство к тому, чтобы образовать из себя достойного христианского учителя и проповедника. Словом, история проповедничества служит проповеднику богатой образовательной школой для усовершенствования его в христианском красноречии.

§ 4. Трудности составления этой темы

Изучение истории проповедничества сопряжено с весьма многими трудностями. Она должна обнимать собою все века христианства и различных христианских народов. Между тем, до сих пор в литературе по истории христианского проповедничества чувствуется совершенный недостаток таких сочинений, где бы предмет этот разработан был обстоятельно и целесообразно. Существующие обширные церковно-исторические и археологические исследования доставляют изучающему эту историю только второстепенное пособие, имеющее к ней побочное отношение. Для существенного же ее содержания не представляет никаких данных. Таким образом, историку предстоит здесь, можно сказать, возделывать поле нетронутое или мало обработанное, почерпая свой материал из самих источников. Он должен начертывать полную историю на основании немногих сведений о господствующих в их время проповеднических вкусах на основании самих проповедей известного времени, путем тщательного их изучения и сравнения между собою. При этом он должен знакомиться как с произведениями знаменитых учителей древней Церкви, так и с гомилетическими трудами давно забытых проповедников. Вся эта масса первоисточников, изучение которых нужно для составления истории христианского красноречия, вырастает до тысячи книг. Многие из этого числа, обозначающие, разумеется, количество неопределенное, никогда не могут быть ему доступны, частью по своей необычайной обширности, частью по дороговизне и редкости; некоторые из них составляют только достояние знаменитых библиотек, другие же уже давно исключены из них. А сколько еще произведений, выходивших и выходящих в других странах! С другой стороны, такой богатый запас материала иногда уменьшается до крайнего минимума. Для истории проповеди первых трех веков христианства мы имеем так мало гомилетических памятников, что представляется крайне затруднительным нарисовать вполне верную картину действительного положения проповеди в это время. Все это в высшей степени затрудняет изучение проповедничества. Избежать этих трудностей возможно только единственным путем: делать тщательный выбор проповеднических произведений, останавливаясь преимущественно на тех из них, сочинители которых пользуются большею или меньшею известностью, и относительно принадлежности которых к известному веку не может быть никаких сомнений.

§ 5. Расположение или план истории

Выбор и расположение материала имеет, без сомнения, важное значение для истории проповедничества. Она не может ограничиться только скудным и бесполезным повествованием о беспрестанных исканиях, каким подвергалась внешняя сторона христианской проповеди, более всего она должна изучать содержание проповеди во всем его объеме. Характеризуя отдельных церковных проповедников известного времени, она вместе с тем следит общий дух и господствующее направление века. Изображая разнообразные перемены, какие претерпевала христианская проповедь, она не только указывает причины этих перемен, но и те следствия, какие они влекли за собою, и то влияние, какое оказывала господствующая метода на нравы народа вообще и на судьбы

Церкви. Таким образом, история проповедничества от изучения частностей выходит к целому, исследует разнообразные, часто неуловимые и тайные нити, от которых зависит развитие христианского красноречия, и потом уже подходит к обработке найденного материала прагматически. В предлагаемых чтениях, впрочем, мы, где можем, будем давать сначала общую характеристику известного периода и затем уже будем переходить к обрисовке обстоятельств отдельных проповедников. Содержание общей характеристики будут составлять следующие пункты:

1. Изображение общих религиозных и церковных, внутренних и внешних обстоятельств, под влиянием которых находилось и развивалось христианское красноречие.

2. Предметы проповеди, а также и форма ее.

Характеристику отдельных проповедников будут составлять:

1. Изложение обстоятельств их жизни и образования, их экзегетические, догматические и нравственные правила, насколько все это вместе относится к их проповедям.

2. Обзор известных проповедей рассматриваемого проповедника и критика их подлинности, когда это нужно и полезно.

3. Определение гомилетически-художественного достоинства их проповедей.

4. Избранные отрывки из проповедей как подтверждение отдельных частей характеристики.

При определении гомилетически-художественных достоинств проповеди может служить следующее руководительное начало: истинное христианское содержание, соединенное с изящною и приличною формою. Содержание, конечно, важнее формы, но одно без другого недостаточно. Произведения, в которых форма составляет главное — произведения искусственные, недостойные проповеди как возвещения божественной истины. Христиански чистое и достойное содержание без приличной формы говорит о недостаточно благоговейном отношении к высоте этого содержания. Достоинство совершеннейшего христианского красноречия поэтому должно быть приписываемо тем проповедям, которые соединяют в себе оба эти качества — чистоту веры с достойною формою.

Примеры из проповедей также необходимы. Никакое изображение особенностей проповедника не может быть настолько живо, полно и наглядно, чтобы после этого подлинный образец мог быть излишним. Примеры должны выбираться такие, чтобы они усилили и подтверждали отдельные черты из характеристики рассматриваемого проповедника и в совокупности своей оправдывали общую картину века по отношению к проповеднику.

Что касается до биографических сведений проповедника, то они также необходимы. Биография дает нам ключ для верного понимания и определения проповедных особенностей того или другого проповедника. Кроме этого значения, при изучении их проповедей биографические сведения важны и в другом отношении. Нередко успех проповеди зависит не столько от содержания своего, сколько от личности проповедника, его образа жизни и отношений к поучениям. Если история проповедничества действительно может служить образовательною школою для проповедника, то, без сомнения, жизнеописаниям особенно важных проповедников должно принадлежать в этом отношении видное место.

§ 6. Разделение истории проповедничества

Так как история проповедничества есть не общая история Церкви, а одного из частных проявлений жизни церковной, то главное основание для деления ее должно заключаться в собственном ее предмете, а не вне его. Хотя христианское проповедничество стоит в тесной связи с прочими обстоятельствами и явлениями жизни церковной, но в нем самом есть собственная самостоятельная сила, определяющая различные фазы его развития. Блестящие эпохи проповедничества не всегда были в нераздельной связи со счастливыми положениями Церкви во внешнем отношении. Когда христианская вера имела наибольшую силу в направлении и жизни христиан, церковные поучения были тогда далеки от изысканной и изящной формы. В то время, напротив, когда внешняя история Церкви достигала наибольшего блеска, христианская проповедь удалялась от евангельской простоты, чистоты и силы. Более общепринятое деление церковного проповедничества насчитывает следующие отделы в его истории:

I. От Христа до Златоуста и Августина.

II. От Златоуста и Августина до Иоанна Дамаскина и Беды или Алкуина.

III. От них до Лютера.

IV. От Лютера до наших времен.

Но деление на периоды представляет некоторые неудобства. Жизнь Церкви Восточной и Западной имела в каждой своеобразный ход и развитие, и потому обыкновенно в каждом периоде рассматривают проповедников той и другой отдельно — сначала идут проповедники Восточной Церкви, потом Западной. Таким образом, обращаются в разные периоды то к той, то к другой несколько раз. Поэтому лучше всего, усвоив порядок хронологический, изучать сначала проповедников Восточной Церкви, потом Западной. В этом делении, кроме того, большая часть отводится изучению проповедничества Церкви католической по ее отделении от Восточной и потом протестантской, что для истории церковного проповедничества православной Церкви имеет меньшее значение. В своих чтениях мы будем изучать проповедников древней христианской Церкви — Восточной и Западной — патристического периода, тех и других отдельно. Затем будет следовать история проповедничества в Русской Православной Церкви. Таким образом, наше деление истории проповедничества будет следующим:

I. Проповедники Церкви Восточной}

II. Проповедники Церкви Западной} в патристический период

III. Проповедники Церкви Русской.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ. ОТ ХРИСТА ДО ОРИГЕНА

§ 1. Проповедь Иоанна Крестителя

Свойства христианской проповеди как по отношению к ее содержанию, так и форме, ближайшим образом вытекают из порядка и способа научения, господствовавших в иудейской синагоге, которая имела также неоспоримое влияние и на все вообще устройство христианской Церкви. Переходную ступень от иудейского к сущности христианского

учения составляют проповеди Иоанна Крестителя, Предтечи Господня. Он первый открыто возвестил те существенные основы учения, которыми явившееся потом и им подготавливавшееся христианство отличалось от тогдашнего испорченного иудейства. От него дошли до нас небольшие отрывки его проповедей, записанные у евангелистов, которые обрисовывают нам характер его проповеднической деятельности в следующих чертах. «Во дни первосвященников Анны и Каиафы, — повествуют они, — был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне. И он проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов. И спрашивающим его фарисеям говорил о себе: Я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия (гл. 40, ст. 3). Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и пищею его были акриды и дикий мед. Он проповедовал в Вифаваре при Иордане. И выходили к нему Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность иорданская, и все крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои. И проповедовал Иоанн, говоря: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное. Увидев же многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, он сказал им: порождения ехидны! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. И спрашивал его народ: что же нам делать? Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай неимущему, а у кого есть пища, тот делай то же. Пришли и мытари креститься и сказали ему: учитель, что нам делать? Он отвечал им: ничего не требуйте более определенного вам. Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованьем. Когда же народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он, Иоанн всем отвечал: я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостоин развязать ремень обуви. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руках Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым. Многое и другое благовествовал он народу, поучая его. Увидев же идущего к нему Иисуса, говорил: се Агнец Божий, Который берет на себя грех мира. Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня. Я не знал Его, но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилу. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем; я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий».

Эта картина проповеднической деятельности и записанные евангелистами отрывки проповедей Иоанна Крестителя, несмотря на свою краткость, дают нам общее понятие о его проповеднических приемах. Так как главная цель его деятельности состоит в том, чтобы подготовить иудеев к принятию религии христианской, то и все его учение направлялось сообразно этой конечной цели. Он подготавливал к этой религии,

убедительно доказывая необходимость всецелого преобразования религии и нравственности иудейской его времени и открыто и свободно объявляя Иисуса Христа как обетованного Мессию. Высота его личности придавала убедительность его проповеди, сопровождавшейся благословенными плодами. Сущность своего учения он излагал кратко, но выразительно. С особенною настойчивостью опровергал он тот предрассудок, по которому фарисействующие иудеи считали себя в праве надеяться на небесную милость Божию потому только, что они имели отцом своим Авраама. Он не только доказывал необходимость принятия своего учения и открытого признания его чрез крещение, но и силою настаивал на действенном улучшении их нравственного состояния и исправлении их жизни. При этом каждому сообразно его состоянию давал наставления, посредством которых он мог достигать этого улучшения. Он умел придавать особенный вес своему учению чрез удачное приближение к нему некоторых мест пророческих. Его речь, простая, краткая и ясная, пересыпанная приличными сравнениями, соединялась с авторитетом, силою и достоинством посланника Божия и усиливалась еще, видимо, выражавшимся строгим характером его поведения, напоминавшего жизнь древних пророков.

§ 2. Проповедь Иисуса Христа

Цель

Главная цель пророчески-учительской деятельности Христа Спасителя при совершенном упадке религиозной и нравственной жизни между иудеями состояла в том, чтобы научить их истинным понятиям о Боге и также чистому, простосердечному Его почитанию и действительной нелицемерной добродетели, в особенности же воспитать в них искреннюю любовь к ближнему и образовать из них таким образом истинных поклонников Божиих и сделать участниками будущего небесного блаженства.

Препятствия к ее достижению

Но для достижения этой великой цели немаловажные препятствия заключались в ложных понятиях иудеев — этого развращенного и ослепленного народа, руководимого своими слепыми учителями. Совершенно плотский образ мыслей иудеев, их грубые представления о Божестве, особенно по отношению к наградам и наказаниям, развращенная нравственность и разные предрассудки и, наконец, фальшивые представления о земном царстве Мессии и основанные на нем ложные ожидания представляли самые неблагоприятные условия для проповеди о духовном Царстве. Сюда же относится: гордое представление иудеев о великом преимуществе своей нации и происходящее отсюда презрение других народов, страсть к беспорядкам и порочные привычки начальников народа и прочее.

Успех

Все это делало крайне затруднительным распространение и всеобщее утверждение между ними религии совершенно духовной, которая основывалась на внутренней святости и Божественности нравственного

закона и указывала оплот от чувственных инстинктов, главным образом, только в надежде и ожидании невидимого, лучшего, духовного мира. Но Божественная мудрость Иисуса сумела преодолеть все эти препятствия в большей части народа и счастливо достигнуть своей цели. Его учение производило весьма сильное впечатление на слушателей, и они скоро поняли великое преимущество Его речей пред сухою и грубою болтовней своих учителей. Весь народ из низших слоев был Ему предан, даже многие из начальников сознавали силу Его учения, и скоро образовался около Него кружок прямодушных и честных людей, которые открыто признавали себя Его учениками и последователями Его учения.

Причины успеха

Причины такого успеха проповеди при условиях самых неблагоприятных имеют свое основание в самой Личности Богочеловека. Ни один человек не был в состоянии совершить столь великое дело. Его мог совершить только посланный Богом Божественный Учитель. Внутреннее содержание Его речей, которые имели в себе легко осязаемую неиспорченным человеческим чувством, чистейшую истину, для своего успеха не нуждалось ни в каком искусстве красноречия и доставляло этому чтению у простосердечных и не ослепленных страстями слушателей скорый и нередко прочный успех, лишь только оно касалось их. Его неподражаемые собеседования о том, что составляет сущность религии, Его удивительная проницательность по отношению к правильному разумению писаний ветхозаветных, Его безошибочное знание природы и глубокое понимание сердца человеческого, Его возвышенный, любвеобильный и Божественный характер, Его горячая ревность к религии, добродетели и о счастье человеческом и непоколебимое убеждение в истинности Своего учения и, наконец, сознание Своей высоты и Божества придавали Его речам силу, покоряющую сердца людей. Всеобщая любовь, которую Он приобретал благодетельными для людей действиями, много способствовавшими к распространению Его учения, и многие чудеса, сопровождавшие Его учение, немало содействовали тому, чтобы доставить Ему внимательность и содействие слушателей. К этому следует еще присовокупить, что Он мудро пользовался всяким благоприятным случаем для преподания религиозных истин. Проповедовал нередко в синагоге и в преддверии храма, где дозволялось каждому учить открыто, кроме того, преподавал также Свое учение в небольшом кругу в доме, за столом и на дороге, то пред большим собранием людей с корабля, с горы и в открытом поле. Наконец, хотя Он все Свои наставления предлагал в связи с господствовавшей тогда религиозною системою и сохранял обычный тогда способ научения, но то и другое возвышал и улучшал неподражаемым образом.

§ 3. Внутренние свойства речей Христа Спасителя

Выбор материи

От столь мудрого Учителя естественно ожидать, что Он каждый раз сумеет выбрать для Своих собеседований сообразную материю. Весьма далекий от того, чтобы занимать Своих слушателей, подобно иудейским учителям, спекулятивными исследованиями, Он между членами веры

выбирал только такие, которые имеют влияние на практическую жизнь людей, старался внушить им правильные понятия о Боге и нашем отношении к Нему, говорил им о цели Своего пребывания на земле, их будущем назначении и о влиянии настоящей жизни людей на всю их будущую вечную судьбу. В особенности старался Он очистить иудейскую мораль от фальшивых представлений и сделать ее наиболее соответствующую со здравым человеческим разумом и с требованиями неиспорченного сердца и освободить ее от множества мелких и бесплодных предписаний, которые только стесняли человеческую деятельность и мало способствовали к действительному нравственному улучшению (Мф. 5, 20; 6, 7). Он настаивал на внутреннем чистосердечном почитании Бога, без всякого лицемерия (Мф. 15) и внешней торжественности, и умел представлять лицемеров во всей их наготе (Мф. 27, Лк. 18, 9 и след.). При всех удобных случаях с особенною настойчивостью указывал на необходимость истинной любви к Богу и ко всем людям (Мф. 22, 37—40; 25, 31 и след., Лк. 10, 27 и след.), поставлял также в числе важнейших обязанностей любовь к врагам и оскорбителям (Мф. 5, 43—44 и след.) и тому подобное. Кроме того, во всех случаях Он наблюдал всегда мудрую предусмотрительность в выборе религиозных истин по отношению ко времени, обстоятельствам и свойствам Своих слушателей. Иное содержание имели Его речи пред народом, иное пред книжниками и фарисеями; но от тех и других отличались те, которые говорил Он пред Своими близкими учениками. Что сообщал Он последним в искренней, дружеской беседе, то первым предлагал только прикровенно, в притчах, и совершенно ясно изъяснялся только о том, что они легко могли понять и принять как истину (Мф. 13, 10 и след., Мф. 16, 20; 17, 19). В присутствии начальников народа Он старался главным образом обличать их порочные страсти как одно из главных препятствий к истине; обличения эти были сильны и выразительны и по своей убедительности могли парализовать вредные действия их упорного неверия на народ (Мф. 21, 23 и след., Ин. 7, 8, 10). Вообще же Он всем и каждому, не исключая и Своих близких учеников, не открывал сразу всей совокупности религиозных истин, но мудро предуготовлял их сообщением одних только важнейших истин учения к тому, чтобы потом представить им его в полном свете (Ин. 3, след., 16, 4; 12, 25). Менее вредные и легко искоренимые предрассудки Он оставлял до более благополучного времени и в особенности старался искоренить сначала понятия грубые и предрассудки вредные, каковое предпочтение иудейской нации пред другими народами и прочее. Местные обстоятельства и случайные поводы также нередко определяли собою выбор материй, составлявших содержание Его речей (Лк. 12, 13 и след. 14, 17 и д.; 15 и д., 15, 2 и д.; Мф. 13, 52).

Употребление Священного Писания

Священными книгами иудейского народа этот Божественный Учитель всегда умел пользоваться в Своих наставлениях весьма кстати и с мудрою осмотрительностью. Иногда Он места Писания полагал в основании Своих речей в синагоге и выводил из них поучительные рассуждения (Лк. 4, 15 и д.), иногда приводил их в подтверждение Своих собственных наставлений и замечаний (Мф. 13, 13 и д., 15, 7 и д.), иногда же пользовался некоторыми рассказами из Писания для уяснения важ-

ных религиозных истин (Мф. 12, 3 и д.). Равно далекий от поверхностного, произвольного, основанного на традиции и каббалистических бреднях бесплодного аллегорического и мистического способа изъяснения, Он предлагал правильное понимание Писания и указывал исполнение толкуемых иудеями по отношению к Мессии пророчеств с величайшей ясностью и очевидностью (Мф. 9, 13; 11, 10; 12, 28; Лк. 10, 26 и д., 4, 18—21). Некоторые же места из истории Он старался употреблять путем сильных приспособлений и удачных намеков для уяснения и утверждения важных истин (Мф. 12, 7; 21, 16; 42—44, Як. 11, 29—32).

Способ доказательств

Способ доказательств, который употреблял Иисус Христос для убеждения Своих слушателей в истине Своего учения, отличается крайним разнообразием. Он старался, когда это было необходимо, представлять самое учение в необыкновенном свете и чрез меткие примеры и сравнения из священной истории и обыденной жизни объяснять его так, что после этого истинность его становилась совершенно очевидною (Мф. 6, 25 и д., Ин. 8; 34 и д., 10, 8 и д.). Его доказательства были ясны, кратки, убедительны и неопровержимы и сообразны с пониманием Его слушателей (Мф. 11, 4 и д., Ин. 5, 19 и д., 7, 16 и д., 10, 25 и д.). Употребление обыденных поговорок и пословиц придавало им особенную твердость и очевидность, а указания на опыт делали их неоспоримыми (Мф. 19, 24, Ин. 4, 3; 7, 17 и д., 3, 18—21). Предубеждения и возражения Он опровергал самым убедительным образом. Встречавшиеся противоречия Он устранял раскрытием истины и тайные помышления обнаруживал со всей поразительной ясностью (Лк. 11, 7 и д., Ин. 10, 34, Мф. 22, 23). Хотя некоторые доказательства Его не имеют философской верности и несомненности, но употребляемые всегда в высшей степени к месту и сообразно с целью, они для большей части народа были убедительны, и некоторые аргументы придавали доказываемыми ими положениями величайшую силу и убедительность (Мф. 22, 32, Лк. 11, 17 и д.).

Существенное отличие наставлений Спасителя всегда вообще составляет их практический характер. В Своих наставлениях Спаситель стремился не к тому только, чтобы просветить ум, но преимущественно очистить сердце. Сообразно этому всякое учение веры, какое только предлагал Христос, Он представлял большею частью с практической стороны, направляя его к утверждению добродетели. Эта Его метода — предлагать истины нравственные — в особенности была удобна в том отношении, что производила быстрое и неизгладимое впечатление в сердцах Его слушателей. Он учил нравственности применительно к человеку вообще и ближе всего к своим современникам и разным классам своих слушателей. Важнейшие наставления и обязанности Он умел преподать совершенно применительно к обыкновенному человеческому пониманию, пользуясь в то же время для Своей цели естественными чувствами и наклонностями Своих слушателей. Нередко Он, раскрывая какую-нибудь обязанность, для большей наглядности прибегал к понятному для всех рассказу, чтобы заставить почувствовать все ее достоинство и силу обязанности (Мф. 23; Лк. 10, 29 и д., 15, 2 и д., 16, 1 и д., 21, 1—4). Большей же частью Он ссылался на прямые предписания,

указывая на пример Бога и Свой собственный законодательный взгляд как идеал нравственного совершенства (Мф. 5, 19 и д., 15, 3 и д., 22, 37—40, Лк. 6, 27—36). Иногда употреблял Он также чувственные побудительные мотивы, так как имел дело с людьми чувственными и старался поощрять их, представляя им всегда в этой жизни исполнение их желаний и склонностей и указывая на великие воздаяния в вечности, упорных же из них страшил временными и преимущественно вечными наказаниями и таким образом потрясал их дух (Лк. 6, 36—38; 14, 14, Ин. 3, 18; 19, 36, Мф. 23, 13—15; 23, 33—38; 7, 19, 21—23; 18, 34, 35).

П р и т ч и

Особенная сила речей Иисуса Христа состояла в сообразном и уместном употреблении притчевых рассказов и примеров. Цель их была различна. То хотел Он истины, которым учил, чрез конкретные представления сделать понятными, то некоторые предметы учения, которые в полной их ясности еще не могли быть пригодны, предлагал под покровом притчи. В этих случаях Спаситель и Сам для Себя доставлял исполненный глубокого смысла материал для дальнейших рассуждений, и Своих слушателей подготавливал к тому, чтобы они в будущем самые эти предметы легче и скорее восприняли как истину (Мф. 11, 16, 17, 22 и д., Лк. 16, 19 и д., Ин. 10, 1 и д., Мф. 13). Главным же образом Он употреблял притчи при научении нравственным истинам. Вследствие этого слушатели Его сами имели возможность наглядно судить и определять свойства обязанностей, их достоинство и обязательность для себя. Этим путем Иисус Христос старался привести их в такое состояние, чтобы ум их сильнее мог воздействовать на волю и сердце (Мф. 18, 23 и д., Лк. 10, 30 и д., 15, 4 и д., 8 и д., 11 и д., 18, 1 и д.). Все притчи отличаются необыкновенною простотою, ясностью и наглядностью, так что подобия и заключающиеся в них нравоучения или сами собою бросаются в глаза, или достаточно могут быть объяснены только в нескольких словах. Впрочем, они имели совершенно местный характер, сообразный с родом жизни, нравами и обычаями и гражданским устройством иудейского народа тогдашнего времени. Спаситель брал образы из путешествий, от земледелия и виноделия, от рыбной ловли, от брачного пиршества и других предметов из общественной и домашней жизни, а также из истории иудейского народа, и потому притчи Его каждый раз наисовершеннейшим образом сообразны были со своею целью.

§ 4. Внешняя форма речей Христа

Как в отношении содержания и передачи религиозных истин речи Христа Спасителя отличаются неподражаемой общедоступностью, простотою, энергией и разнообразием, так и в отношении внешней формы все эти свойства присущи Его речам. Он не прибегал к пустому блеску красноречия и суетной декламации, но употреблял обыкновенные тогда и общепонятные слова и выражения и при том говорил всегда легко и непринужденно. Образные выражения и метафоры Он употреблял нередко, чтобы придать своим рассказам больше жизни и выразительности, но употреблял только такие, которые тогда были обычны и всем понятны. Иногда Он давал Своим речам высший полет и допускал в них некоторую неясность, когда того требовали особенные цели, — большею же частью говорил Он с величайшим снисхождением. Речь Его то

принимала нежный тон Отца и любвеобильного учителя, то дышала строгим величием с сильными движениями сурового нравообличения. Он не стеснял Себя никакою определению и точною нормою и не говорил длинных методических проповедей, но только краткие, задушевные и вдохновленные речи и лишь изредка, в чрезвычайных случаях, говорил нечто вроде долгих речей. Оттого Его речи в синагоге, храме и при разных обстоятельствах, проповедь нагорная и прощальная речь — в своем внешнем построении и форме заметно отличаются между собою. Между ними особенно отличается превосходная во всех отношениях речь прощальная. Желание приготовить Своих ближайших учеников к их будущей деятельности и ожидающей их судьбе, проникающая ее любовь и нежное чувство, наконец, заключающая и горячая молитва — все это делает из нее образец безыскусственного, поучительного и нежно-трогательного красноречия.

§ 5. Проповедничество святых апостолов

Все, что мы знаем о проповедничестве святых апостолов, мы почерпаем из правдивой и поучительной истории Деяний апостольских, написанных евангелистом Лукою, а также из Посланий, написанных самими апостолами проповедниками. Существенная задача их проповеди состояла в том, чтобы распространить веру в Господа Иисуса Христа как в стране иудейской, так и в других, между иудеями и язычниками. По примеру своего Божественного Учителя они вели свои собеседования в храме иерусалимском и в синагоге разных мест (Деян. 2, 14; 3, 11—12; 5, 12—15, 21, 42; 9, 20; 13, 5, 14; 14, 1; 17, 2—3; 1, 10—12, 17, 18; 18, 4; 20, 7), а также иногда по особым побуждениям в публичных местах (Деян. 4, 8; 14, 6; 7, 21; 16, 13; 17, 22; 21, 14) и в частных домах, в особенности уже при организованных христианских общинах (Деян. 10, 34; 20, 7; 24, 10; 25, 2). В Деяниях апостольских из произнесенных таким образом в разных местах и по различным побуждениям речей записано несколько, принадлежащих апостолам Петру и Павлу, речь архидиакона и первомученика Стефана и речь апостола Иакова на Соборе Иерусалимском. Эти апостольские речи составляют единственный исторический памятник их устной проповеди о Христе. Послания апостольские не могут служить таким памятником, потому что в них нет существенного элемента проповеди, который можно назвать моментом непосредственности, нет живого взаимодействия между проповедником и слушателями. В Посланиях, которые пишутся отдельным читателям со спокойным размышлением, речь и по содержанию, и по форме подлечит не тем законам, какими управляются устные собеседования, обращенные прямо и непосредственно к слушателям.

В истории проповедничества речи апостолов занимают положение исключительное, аналогичного которому не представляет последующая история христианской общественной проповеди. Особенность эта заключается и в задаче проповеди апостольской, и в тех проповеднических средствах, какими они обладают. Существенную задачу проповеди, понимаемой в общем смысле, составляет раскрытие и уяснение в созании верующих истин Богооткровенного учения. Задачей же проповеди апостольской было распространение веры христианской между иудеями и язычниками. Вера эта для первых была соблазном, а для вторых безумием. Посему апостолам приходилось весьма нередко за-

щищать себя и свое дело пред начальниками и народом. Общество, слушавшее их, состояло из необращенных ко Христу, тогда как наши проповеди говорятся в Церкви пред живыми членами ее, вошедшими в состав ее чрез веру во Христа. Кроме того, апостолы обладали чрезвычайными средствами для успеха своей проповеди. Они проповедовали по внушению и под непосредственным действием даров Святого Духа, обильно излившегося на них в день Пятидесятницы. Но Дух Святой, исполнивший апостолов необычайной силой и дерзновением, только напоминал им учение Господа Иисуса, о Котором они проповедовали и Которого были непосредственными учениками. Они возвещали миру только то, что слышали и приняли от Него. Посему учение их, как учение Самого Господа, составляет основу проповеди, предмет ее, который они должны уяснять и раскрывать; следовательно, проповедь апостольская составляет источник и содержание проповеди, а не образец ее. Тем не менее они составляют существенный и необходимый элемент и для истории проповедничества. Ее исключительное положение придает ей и небывалое значение. Апостолы руководились в своей проповеднической деятельности непосредственными внушениями Святого Духа. Следовательно, изучение путей, по которым направлялась проповедь святых апостолов, изучение их проповеднических приемов вообще, отношений к слушателям и тому подобное, должно быть необходимо для проповедника. Как плод Духа, их проповеднические приемы должны иметь для него силу и значение непреложных законов.

Не все речи святых апостолов, записанные в Деяниях апостольских, имеют одинаковое значение для истории проповедничества. Всех речей, сказанных в разных случаях апостолами, насчитывается немало. В Деяниях апостольских записаны:

1. Речь, сказанная апостолом Петром после вознесения Господа Иисуса Христа еще до сошествия Святого Духа в собрании учеников Христовых, простиравшемся до ста двадцати человек, пред избранием на место отпавшего Иуды нового свидетеля воскресения Христова для восполнения лика двенадцати апостолов (Деян. 1, 16—22).

2. Речь того же апостола Петра в день Пятидесятницы после сошествия Святого Духа на апостолов (Деян. 2, 14—40).

3. Речь его же по исцелении хромого, сказанная народу в притворе Соломоновом (Деян. 3, 12—26).

4. Речь его пред синедрионом в защиту дела и свидетельства апостолов после допроса их со стороны иудейских властей об обстоятельствах исцеления хромого (Деян. 4, 8—12, 19, 20).

5. Краткая обличительная речь Петра к Анании (Деян. 5, 3, 4, 8, 9).

6. Свидетельство Петра и других апостолов пред властями иудейскими о Иисусе Христе после их ареста за проповедь вопреки запрещению синедриона и чудесного освобождения их из темницы ангелом Господним, повелевшим им идти в Церковь и учить народ (Деян. 5, 29, 32).

7. Речь архидиакона Стефана после обвинения его в хуле на Моисея и на Бога (Деян. 7, 2—53, 55, 56).

8. Обличительная речь Петра к Симону волхву, хотевшему за деньги купить у апостолов благодать Святого Духа (Деян. 8, 20—23).

9. Речь Петра к сотнику Корнилию и собравшимся в его доме (Деян. 10, 28, 29, 34—43).

10. Речь его пред иерусалимскою общиною в защиту проповеди о Христе язычникам, объясняющая обстоятельства обращения Корнилия и близких ему (Деян. 11, 5—7).

Далее следуют речи апостола Павла:

11. Речь в синагоге в Антиохии Писидийской (Деян. 13, 16—42).

12. Увещательная речь жителям Листры, когда они, пораженные чудом исцеления хромого с детства, хотели принести жертвы Павлу и Варнаве как богам (Деян. 14, 15—17).

Пятнадцатая глава Деяний апостольских передает речи, сказанные на Соборе Иерусалимском:

13. Апостолом Петром (Деян. 7—11).

14. Апостолом Иаковом (Деян. 13—21).

Далее опять следует ряд речей, произнесенных апостолом Павлом:

15. Замечательная речь его, сказанная пред афинским ареопагом (Деян. 17, 22—31).

16. Трогательная прощальная речь к ефесским пресвитерам, вызванным им в Милит на пути его в Иерусалим (Деян. 20, 18—35).

17. Защитительная речь пред возмущившимися против него за проповедь к язычникам иерусалимскими иудеями, сказанная с темничной лестницы (Деян. 22, 1—21).

18. В Кесарии пред римским правителем Иудеи Феликсом (Деян. 24, 10—21).

19. Речь пред царем Агриппою и Фестом, наместником, сменившим Феликса (Деян. 26, 2—23).

20. Ободрительная речь плывшим вместе с ним на корабле, подвергшимся большой опасности во время бури на море (Деян. 27, 21—26).

21. И, наконец, речи к римским иудеям (Деян. 28, 17—20, 25—28).

Этот круг речей, переданных нам бытописателями Деяний апостольских, в достаточной степени характеризует общее направление проповеди апостольской. Все они имеют несомненное значение для выяснения учительской деятельности святых апостолов. Но из речей апостольских для истории проповедничества особенно важны две речи апостола Петра, произнесенные в день Пятидесятницы и по исцелении хромого, речь архидиакона Стефана и три речи апостола Павла, из которых одна сказана в синагоге в Антиохии Писидийской, другая — в афинском ареопаге и третья — в Милите к пресвитерам ефесским. В этих речах с большою ясностью и полнотою выражено то назидание и учение, которое апостолы считали существенно необходимым для слушавшего их народа, а также вполне достаточно обнаруживаются их проповеднические приемы.

§ 6. Речи святого апостола Петра

Первая речь, стоящая во главе апостольских проповедей, сказана была апостолом Петром при необычайных обстоятельствах, тотчас после сошествия Святого Духа на апостолов. При виде необычайного явления, произведенного Духом Божиим, одни ужасались, другие ругали апостолов и говорили, что они пьяны. Апостол Петр воспользовался впечатлением, произведенным на народ проявлениями необычайных даров Святого Духа в апостолах, и пригласил всех выслушать его, старался, во-первых, разъяснить народу, что замеченное ими необычайное явление дара языков есть не что иное, как исполнение пророчества

Поилева об излиянии в последние дни даров Святого Духа на всяку плоть; во-вторых, призвав снова ко вниманию мужей израильских, он начал раскрывать им учение об Иисусе Христе. Назвав Его мужем, всем известным, засвидетельствованным от Бога силами, знамениями и чудесами, апостол напоминает, что Его по определенному совету и разумению Божии они убили, пригвоздив руками беззаконных, и свидетельствует о Его воскресении, вознесении на небо и излиянии Им от Отца Святого Духа, проповедшего ныне виденное и слышанное. Особенное внимание слушателей останавливает святой апостол на факте воскресения Христова, достоверность которого он подтверждает свидетельством всего своего общества, а также пророчеством Давида. Факт этот показывал в Иисусе Назорее не просто смертного человека, а Господа и Христа, давно обетованного Мессию. Чтобы утвердить такое представление о Христе в сознании своих слушателей, апостол Петр сопоставляет Его с Давидом и говорит при этом, что Давид и умер, и погребен, и гроб его у нас до сего дня, и он не восшел на небеса, но, будучи пророком, знал, что по обетованию Божию от грехов его воздвигнется Христос по плоти, Которого душа не останется во аде и плоть Которого не будет видеть истления и Который будет сидеть одесную Бога. Народ умилился сердцем, слыша проповедь апостола Петра, и спрашивал его и других апостолов, что ему делать. Тогда Петр обращает нравственное увещание своим слушателям, — и это составляет третью и последнюю часть его речи, — призывая всех к покаянию и крещению во имя Иисуса Христа для прощения грехов и к принятию дара Святого Духа, и при этом напоминает народу иудейскому, что ему и детям его принадлежит обетование Божие, а потом всем дальним, кого призовет Бог (Деян. 2, 14—40).

Другая речь, сказанная Петром, тесно связана с совершенным им чудесным исцелением хромого от чрева матери, которого носили и сажали каждый день при дверях храма просить милостыню у входящих во храм, — исцелением, совершенным во имя Иисуса Христа Назорея. При виде исцеленного хромого народ пришел в изумление и сбежался во множестве в притвор Соломонов, где были апостолы, совершившие чудо. Здесь к собравшемуся народу апостол Петр обратился со словом веры и назидания. Речь его, сказанная по этому случаю, во многом сходна с предыдущею. При виде всеобщего изумления и внимания, обращенного на виновников чуда, апостол Петр отклоняет от себя взоры изумленного народа, заключая, что они не своею силою сделали хромого ходящим, но силою веры и именем воскресшего Господа Иисуса. После столь славного чуда, совершенного на глазах всех именем Иисуса Христа, апостол с полным правом на внимание мог говорить израильтянам о том, что Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего, Господа Иисуса, и напоминает им, что они напрасно отреклись от Святого и Праведного пред лицом Пилата и напрасно Начальника жизни убили. К этому упреку он присоединяет свидетельство о Его воскресении. Но, чтобы упрек не показался жестоким, апостол с большею ясностью, чем прежде, выставляет на вид то, что отречение от посланного Богом Праведника и осуждение Его на смерть допущено израильтянами и их начальниками, как он знает, по неверию и во исполнение Божиего предопределения. Указывая на этот грех неведения, апостол приглашает всех к покаянию, чтобы пришли времена

отрады от лица Господа. Для усиления этой проповеди в глазах иудеев, почивавших на законе и пророках и считавших себя избранным народом Божиим, апостол напоминает, что о Христе говорили все пророки, сколько их ни было, начиная от Моисея, который, предвозвещая пришествие великого Пророка, заповедовал слушаться Его во всем и угрожал гибелью тем, кто не будет его слушать, называет их сынами пророков и завета, завещанного их отцом в Аврааме, и, чтобы показать, что и ныне, после великого греха, совершенного ими по неведению, они не лишились особенного благоволения Божия, испытанного отцами их, прибавляет, что Бог, «воскресив Сына Своего Иисуса, к вам первым послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших» (Деян. 3, 12—26).

Речи эти произвели сильное впечатление на слушателей и имели неимоверный успех. После речи в день Пятидесятницы к обществу верующих приложилось, по сказанию Деяний апостольских, около трех тысяч (Деян. 2, 41), а после речи в притворе Соломоновом, сказанной по исцелении хромого, около пяти тысяч (Деян. 4, 4). Такую необыкновенную убедительность речам апостола Петра, помимо благодатного воздействия Духа Святого, придало его редкое умение употреблять самые ясные доказательства и группировать их приспособительно к своим слушателям. Его доказательства всегда просты. Он ссылается на всем известные факты. Сопоставляя Господа Иисуса Христа с Давидом, он говорит: «Да будет позволено с дерзновением сказать вам, мужи братья, о праотце Давиде, что и умер и погребен, и гроб его у нас до сего дня... Давид не восшел на небеса, но сам говорит: сказал Господь Господу моему» (Деян. 2, 29, 34); воскресение Христа доказывает собственным своим свидетельством и свидетельством других апостолов как очевидцев... «Мы сему свидетели сами»,— нередко говорит он. В доказательство Божественного посланничества Иисуса Христа ссылается на собственный опыт своих слушателей, которые сами были свидетелями знамений и чудес, совершенных Иисусом Христом. «Вы убили,— говорит он иудеям,— Иисуса Христа, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые сотворил Бог среди вас чрез Него, как и сами знаете» (Деян. 2, 22, 23). Указывал также на чудеса самих апостолов, совершавшиеся в глазах всех именем Того же Иисуса Христа. По исцелении ног хромого апостол Петр говорит своим слушателям: «Ради веры во имя Иисуса Христа имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие пред всеми вами» (Деян. 3, 16; 4, 10).

Таким образом, доказательства, употребляемые апостолом Петром в его речах, чужды ученых умозаключений и остроумных, бьющих на эффект объяснений. Они отличаются, напротив, ясностью, простотою, наглядностью и общедоступностью, что и придавало им особенную силу убедительности. Но самую замечательную черту по отношению к доказательствам в речах апостола Петра составляет постоянное обращение его к словам Священного Писания Ветхого Завета, авторитет которого имел непреложное значение в глазах его слушателей. В этом случае он с полной очевидностью старался сопоставить ветхозаветные пророчества с событиями из жизни Иисуса Христа и Его апостолов, вследствие чего для слушателей уяснялось великое значение тех событий, о которых ему приходилось говорить им. Кроме всего этого, речи апостола

Петра проникает дух любви к слушателям, который заставлял его сглаживать все жестокое и неприятное для них. В своих речах апостолу приходилось говорить о таком факте, который тяготеет неизгладимою виною на народе израильском, именно — о неправедном осуждении им Христа Спасителя. Выставляя этот факт, апостол Петр не поражает словом грозного обличения виновных, а старается по возможности извинить их преступление, указывая на то, что это совершилось во исполнение predetermined совета Божия, как бы помимо прямой их воли. Этим способом апостол вносит примирение в души слушателей и располагает их к искреннему и сердечному покаянию и вере в проповедуемого Мессию. Чтобы успешнее достигнуть этой цели, он напоминает своим слушателям-иудеям об особых обетованиях, им данных; о том, что они и дети их представляют богоизбранный народ, долженствующий предупредить других на путях Царствия Божия, и тем, приспособляясь к их естественному национальному чувству, усиливает средства к тому, чтобы склонить их к вере в Господа Иисуса Христа.

Главную целью и конечным результатом теоретических истин, которые апостол Петр предлагал своим слушателям, было указание необходимости искреннего нравственного улучшения. Он далек был от напыщенного красноречия, действующего чрез возбуждение страстей и пожеланий, и от увещаний к добродетели, основанной на обманчивом ожидании земного счастья. Напротив, он выставлял всегда разумные побудительные мотивы и необходимость нравственного улучшения, доказывая весьма ясно из существенного содержания религии Иисуса, к принятию которой он прежде всего направлял своих слушателей. Религия Христа есть религия истинная, всякий принявший ее может получить отпущение грехов, но при этом он должен стараться улучшить свою жизнь и жить добродетельно, потому что Христос придет некогда воздать каждому по делам его, одних наградит, других накажет. Таковы в общих чертах доказательства, посредством которых апостол Петр старался действовать на всех своих слушателей (Деян. 2, 38; 3, 19—21; 10, 42—43).

Речи апостола Петра и с внешней стороны представляют немало характеристичного. В них нельзя не узнать пламенного и искреннего ученика Господа Иисуса. В его безыскусственном и совершенно естественном красноречии много огня и жизни. Его речи не многосложны, но кратки и убедительны, с быстрыми, но естественными переходами, без длинных периодов, вводных предложений, метафор и других искусственных приемов. Он говорит просто, искренним, сердечным, но вместе и убедительным тоном. Материалом для его выступлений всегда служат указания того случая, по которому он говорит, но на нем он долго не останавливается, а переходит тотчас к главному предмету и раскрывает его точно и ясно. Заключение у него составляют прямой, логический вывод из всей речи. Они также всегда кратки.

§ 7. Речь архидиакона Стефана

После речей апостола Петра в Деяниях апостольских обращает на себя внимание длинная речь первомученика и архидиакона Стефана. Стефан был эллинист по происхождению и образованию, то есть еврей, родившийся и воспитывавшийся в странах языческих. По изображению Деяний апостольских, он отличался среди верующих мудростью и си-

лою духа. Когда апостолы по поводу спора эллинистов с палестинскими евреями из-за пособий вдовицам сделали распоряжение о выборе семи опытных людей, исполненных Святого Духа и мудрости для надзора за трапезами, первым из семи избранных явился Стефан. Как с человеком сильным в слове с ним вступали в спор некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Киринейцев, и Александрийцев, и некоторые из Киликии и Асии. Но никто из них не мог противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил (Деян. 6, 5—10). К этой характеристике Стефана писатель Деяний прибавляет еще, что он творил чудеса и знамения в народе (Деян. 6, 8). Предмет спора, происходившего между Стефаном и иудеями, в Деяниях не указывается. Но его ясно можно определить из обвинений, возведенных на Стефана иудеями. Его обвинили в следующем: он говорил хульные слова на Моисея и на Бога; этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие: он говорил, что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые предал нам Моисей (Деян. 6, 11, 13, 14). Очевидно, что предметом спора служили рассуждения об отношении ветхозаветной религии к новозаветной. Стефан доказывал, что закон Моисеев имеет временное только значение и не обязателен для христиан, что самый храм иерусалимский, предмет особого почтения иудеев, как жилище истинного Бога и средоточие религии иудейской, будет разрушен, согласно пророчеству об этом Самого Иисуса Христа. Таким образом, Стефан первый по своим убеждениям выступил из пределов иудейской исключительности и открыто начал проповедовать о том, что закон Моисеев должен прейти и уступить свое место закону Христову.

Такое учение, конечно, должно было возмутить иудеев, веровавших во всегдешнее значение закона Моисеева во всем его объеме и в гордом самомнении представлявших себя народом, исключительно угодным Богу по причинам происхождения от Авраама и соблюдения закона Моисеева. Стефана как богохульника приводят на суд синедриона. Он знал и понимал значение такого обвинения в глазах иудеев и предчувствовал последствия его для себя. Но, полный сознания своей правоты, полагаясь на силу Духа, его укрепляющую, он пред судом поражал всех совершенным спокойствием и выражением достоинства на его лице, так что, по словам Деяний апостольских, все, сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лицо его как лицо ангела (Деян. 6, 15). На вопрос первосвященника, справедливо ли возводимое на него обвинение, Стефан отвечал своею во всех отношениях превосходною речью. Особый интерес и значение придает этой речи та исключительная обстановка, при которой она была произнесена. Не дождавшись конца речи, рассвирепевшие судьи ведут слепого проповедника на смерть и побивают камнями. Таким образом, речь эта представляет как бы предсмертную исповедь первого мученика христианского, и потому на нее надобно смотреть не как на защитительную речь,—стремление к защите в ней и не заметно, а как на выражение воззрений и сердечных убеждений ее автора, которые он всегда открыто выражал и за которые он должен был умереть. Она имеет скорее характер обличительный. Существенную ее цель и задачу составляет желание доказать всегдешнее упорство иудеев Божественному водительству, проявившееся в его современниках в убийстве Иисуса Христа, предвозвещенного пророками, и у предков его в гонении и также в убийстве этих пророков.

Подобно речам апостола Павла, речь Стефана состоит из двух частей: из теоретической и нравоучительной. Первая часть имеет содержание историческое. В ней архидиакон Стефан излагает историю домостроительства, явленного в народе израильском, начиная с Авраама, выставляет обетования Божия избранному племени, останавливается долго на Моисее и при этом напоминает предсказание его о новом пророке, которого Бог воздвигнет из братии его, и приказание его своему народу слушать этого нового пророка. Говорит о построении Соломоном храма иерусалимского, но при этом, имея в виду узкие представления иудеев о храме иерусалимском как исключительном вместилище славы Божией, он приводит слова Исаии о том, что Всевышний не в рукотворных храмах живет, что небо — престол Его и земля — подножие ног Его, и дает понять таким образом, что нельзя создать довлеющего дома величия Бога, сотворившего все Своею рукою, и что, кроме храма Соломонова, могут быть вместилищем славы Божией и другие места и в других странах. Стараясь этим путем расширить рамки представлений своих единомышленников и выставляя им на вид из Ветхого Завета указание на Новый, наш проповедник не забывал напоминать им упорство и противление их предков воле Божией и пророкам Его. Говоря о Моисее, напоминает о том, что этого Моисея отрунули евреи в Египте, когда он явился к ним по повелению Божию из земли Мадямской, что его не послушали они, когда были около Синая, заставив Аарона сделать вместо Бога изваянного тельца и принести жертву делам рук человеческих, и приводит обличение евреев на это, высказанное от лица Божия в книге пророка. Речь Стефана текла сначала медленно и спокойно: он очень подробно начал обозревать пути промысла Божия в истории избранного народа от дней явления Бога Аврааму. Но это подробное и спокойное обозрение путей Божиих не доведено Стефаном до конца. Может быть, слушатели его, злобно настроенные против него, высказали нетерпение и как-нибудь заявили ему, чтобы он без дальнейших распространений переходил от лет древних ко временам новым при обозрении иудейской истории, приходили в большее и большее волнение при виде той неблагодумности, какой ознаменовали себя вожди израильского народа и сам народ. Только Стефан, дошедши до времени Соломона и приведши выражение Исаии о значении рукотворных храмов и о небе как жилище Божиим, вдруг прерывает нить исторического рассказа и меняет прежний ровный и спокойный тон своей речи. Отсюда начинается вторая, нравоучительная часть его речи, в самом начале прерванная смертью проповедника. С сильным и жестоким словом обличения обращается он к своим слушателям, которое было естественным выводом предшествовавшего исторического обозрения судьбы израильского народа.

«Жестоковейные, — говорит он, — люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделали ныне вы, вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили» (Деян. 7, 51—53).

Такое прямое и резкое обличение не могло смягчить сердца людей, видевших в Стефане человека, не уважающего веры и закона отцов, и они явным образом выразили свое негодование обличителю, который

стоял пред ними, как виновный пред Богом и законом, по их узкому суждению, и должен был только защищаться от тяжких обвинений. По словам книги Деяний апостольских, евреи, слыша обличения Стефановы, «рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами» (Деян. 7, 54). При виде такого ожесточения слушателей, Стефан по движению Духа, его наполнявшему, обратил свои взоры к небу и, увидев славу Божию и Иисуса, сидящего одесную Бога, указал на это всем, стоящим вокруг него, как на доказательство Божественного величия Господа Иисуса Христа и как на предвозвестие будущего утверждения и распространения Его Царства. Такую речь иудеи сочли богохульственной, затыкали от нее уши свои и выводили слепого проповедника веры во Христа за город, побили его камнями. А свидетель веры в Божественное величие Иисуса Христа, побиваемый камнями, молился за своих мучителей и умер с молитвою на устах о том, чтобы Господь не поставил им греха сего (Деян. 7, 60). Это был первый пример мученичества за исповедание Христа Сына Божия, произведший сильное впечатление на всех, видевших это кровавое свидетельство истины, повергший в скорбь общество последователей новой веры и в то же время удаливший их от иудеев, слепо державшихся ветхозаветных преданий, и утвердивший их в сознании своего особенного призвания и служения Богу.

Речь Стефана имеет некоторое сходство с речами апостола Петра. В чем это сходство? Главное содержание речей апостола Петра составляет учение о Иисусе Христе и его воскресении. Речь Стефана, совсем не упоминая о воскресении Его, о Самом Христе говорит только вскользь, как о Праведнике, Которого иудеи по упорству своему умертвили, как отцы их умертвили пророков. Главное же содержание ее составляет обличение упорства иудеев домогательству Божию, путем всей ветхозаветной истории приготавливавшему их к новой религии Иисуса, представителем которой пред синедрионом был сам Стефан. В этих обличениях сама собою выступала на вид мысль о превосходстве религии христианской пред иудейскою, Христа пред Моисеем и Нового Завета пред Ветхим. Иисус Назорей обнаружит святое место иудеев (храм) и переменит обычаи, которые предал им Моисей — такая проповедь была новостью для иудеев, какой они еще не слыхали. Мысль эта впоследствии со всею ясностью была раскрыта великим апостолом языков Павлом. Разница далее обнаруживается и во внешних приемах. Апостол Петр в своих речах употребляет по преимуществу доказательства наглядные: ссылается на собственный опыт, опыт своих слушателей и тому подобное. Стефан стоит на исторической почве и подкрепляет свои мысли ссылками на патриархальную и подзаконную историю иудеев. В этом приеме Стефана опять заметно сходство с приемами апостола Павла, который в своих речах также придерживается по отношению к иудеям исторического метода доказательства. В силу такого сходства и с внутренней и с внешней стороны речи Стефана с речами Павла мы и ограничимся только этими общими указаниями свойств речи Стефана, потому что с ними подробнее ознакомимся при изучении речей апостола Павла.

§ 8. Речи святого апостола Павла

Третий апостол, речи которого сохранились для истории христианского красноречия,—это великий учитель языков и подвижник веры

святой Павел. По собственному признанию его, он более других потрудился в благовествовании слова Божия (1 Кор. 15, 10), более всех апостолов оставил нам писаний, и в истории апостольских Деяний более его речей, сказанных в собраниях народа с целями общественного назидания, чем речей других апостолов.

И по образу призвания к апостольскому служению и по образованию апостол Павел заметно отличается от других апостолов. Он не общался, подобно другим апостолам, с Господом Иисусом Христом во время Его земной жизни и не слышал Его бесед, и в первое время своей сознательной деятельности был гонителем Церкви Божией и соизволял убийству первомученика Стефана, но чудесным видением обращен был на путь веры и призван к апостольству, когда шел в Дамаск преследовать верующих во Христа, и вдруг по необыкновенному избранию и действию свыше из гонителя Церкви сделался избранным сосудом благодати. Все другие апостолы были люди простые, из низшего класса народа и не книжные, не пользовавшиеся средствами научного образования. Апостол Павел был сыном одного тарсянина, пользовавшегося правами римского гражданства, и получил образование наравне с юношами лучших иудейских фамилий. Тарс, в котором он родился и вырос, обилием своих школ спорил с Афинами и Александриею, и здешнее население чувствовало большее стремление к образованию, чем население других городов. Отец Павла, богатый и благочестивый еврей, постарался доставить ему образование в том духе, который гармонировал с преданиями его фамилии и других древних фамилий иудейства. В Павле готовился раввин, ученый толкователь писания и преданий иудейских в фарисейском направлении. С фарисейскою закваскою Павел еще юношей является в Иерусалиме скоро после страданий, смерти и воскресения Спасителя, и Деяния апостольские в первый раз упоминают о нем, когда рассказывают об убийстве Стефана. В Иерусалиме Павел слушал Гамалиила, лучшего из тогдашних учителей иудейских (Деян. 22, 3), которого, по свидетельству Деяний, уважал весь народ (5, 34). Таким образом, ученость апостола Павла была ученость иудейская. Но его послания и речи дают право думать, что он знаком был несколько и с греческою литературой (см. 1 Кор. 15, 33; Тит. 1, 12; Деян. 17, 25).

Из речей апостола Павла, записанных в Деяниях апостольских, для истории проповедничества, как мы говорили, имеют значение собственно три речи: 1) речь, сказанная в синагоге в Антиохии Писидийской (13, 16—41), которая может служить образцом его наставлений к иудеям, 2) речь, сказанная в афинском ареопаге (17, 22—31), на которую можно смотреть как на образец изложения апостолом учения христианского пред образованными греками-язычниками и 3) речь, сказанная в Милите пресвитерам ефесским (20, 18—36), — образец наставлений, обращенных к людям, соединенным с ним единством веры и призванным к особенному служению в Церкви.

Речь в Антиохии Писидийской сказана апостолом Павлом в синагоге в день субботний, когда по чтении закона и пророков начальники синагоги по обычаю, соблюдавшемуся у иудеев, предложили пришедшим в синагогу чужестранцам сказать слово утешения народу. Апостол Павел после предложения этого встал и, сделав знак рукою, начал свою проповедь. Эта проповедь по своему характеру и содержанию имеет

большое сходство с речами апостола Петра, сказанными иудеям. Причиной сходства между речами двух апостолов было единство в направлении и воззрениях слушателей, к которым они приспосабливались в своем слове, и единство предмета, о котором они проповедовали. Подобно апостолу Петру и в особенности архидиакону Стефану, апостол Павел припоминает своим слушателям историю попечения Божия о народе израильском, избравшего отцов их в наследие себе, припоминает далее проповедь Иоанна Крестителя и его свидетельство о Мессии. Затем возвещает слово спасения, посланное сынам рода Авраамова, обещанное отцам и исполненное чадам их, слово о Христе, которого живущие в Иерусалиме и князи их не признали и, не разумея, что делали, осудили и убили, исполнив чрез то все пророчества, о Нем бывшие, но Которого Бог воскресил из мертвых. Указав на это чрезвычайное событие, служившее исполнением прежних пророчеств, апостол Павел поясняет его пророческими изречениями Давида и других пророков и посредством сближения события с предсказаниями хочет проложить путь вере в воскресшего Спасителя. Новое, что здесь ближе напоминает учение апостола Павла, с особенною силою раскрыто в его посланиях, — это слово о вере спасающей и оправдывающей, дающей то, что не мог дать закон Моисеев. Речь заканчивается предостережением от неверия, которое апостол Павел выражает словами пророка Аввакума: Берегитесь, — говорит он, — чтобы не пришло на вас сказанное у пророков: смотрите, презрители, подивитесь и исчезните; ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, которому не поверили бы вы, если бы кто рассказал вам (Авв. 1, 5).

В этой речи видно такое же приспособление к воззрениям слушателей, как у апостола Петра и Стефана. Приспосаблиясь к слушателям в развитии мысли, апостол Павел опирается на ветхозаветный закон и пророческие изречения; снос с пророчествами тяжелое событие обвинения и смерти Иисуса Христа и извиняя неведение совершенное иудеями, живущими в Иерусалиме, он старается внушить слушателям доверие к своему слову и расположить их к предмету речи. Опасаясь холодности иудеев к проповеди о Христе, апостол заканчивает свою речь пророческим предостережением, обращенным к их отцам. Предостережение это он выражает не своими словами, но словами пророка для того, чтобы устранить от себя его жестокость и чтобы придать ему больше силы и авторитета в глазах иудеев. Опасение апостола сбылось. Впечатление от его речи было очень сильное: многие после этой речи просили Павла и Варнаву прийти в синагогу в другую субботу и продолжить проповедь; в течение недели многие иудеи и прозелиты приходили к Павлу и Варнаве, и они их учили и обращали к вере. Но когда в другую субботу почти весь город сошелся в синагогу слушать Павла, иудеи по зависти воспротивились проповеди апостола и не позволили ему говорить. Тогда Павел и Варнава, обратившись к ним, сказали: «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию; но как вы отвергаете его, и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13, 46).

Речь апостола Павла, сказанная в Афинах, отличается не только от речи его, сказанной в Антиохии Писидийской, но и от речей всех других апостолов. В ней мы можем видеть образец того, как апостол, умевший быть всем вся, беседовал с образованными язычниками. Особенный

характер афинской речи зависит от особенности тамошних слушателей апостола. Этими слушателями были здесь образованные и любознательные греки, между которыми немало было философов стоического и эпикурейского направления. Повод к речи дали апостолу сами афиняне. Апостол Павел, проповедуя Христа, являлся в собрания и синагоги и здесь рассуждал и вступал в спор с иудеями и прозелитами, являлся и на городской площади, на которой постоянно сновал народ, беседовал о новостях и рассуждал о разных предметах и подле которой было сборное место философов, и не упускал случая сообщить свое новое учение о спасении, принимая участие в беседах, спорах и рассуждениях. Новая проповедь Павла заинтересовала любопытных афинян, и они привели его в ареопаг афинский, чтобы здесь в присутствии многих он подробнее изложил свое учение, показавшееся им новым и интересным. В ответ на этот вызов афинян, может быть давно желаемый апостолом, последовала замечательная речь его, записанная в 17-й главе Деяний апостольских.

По словам Деяний апостольских, по прибытии в Афины апостол Павел возмущался при виде множества идолов, наполнивших город, которые для его веры казались мерзостью. Между многими капищами внимание апостола остановило преимущественно одно, на котором была надпись: «Неведомому Богу». Апостол весьма искусно и с большим тактом воспользовался всем этим в своей речи. Он воздаст честь благочестию афинян, сказавшемуся во множестве храмов и капищ, ими созданных, и затем, похвалив их за почитание неведомого Бога, он берется указать им именно этого Бога, Которого они чтут, не зная Его. Это Бог, сотворивший мир и все, что в мире; всем дающий жизнь, дыхание и все и ничего не требующий от человека. Это Бог промыслитель, блюдуший судьбы народов и назначающий им времена действия и места жительства, и близкий каждому из нас, кто только хочет видеть Его действия. Указав на промышление Божие о мире и народах, апостол далее частнее говорит о нашей зависимости от Бога, Которым мы живем, движемся и существуем, приводит изречения книжников языческих. На основании этого положения он выводит заключение, что Бог не может быть подобен какому-либо земному материалу, золоту или серебру, или камню, обделанному искусством человеческим. Не останавливаясь долго на этом теоретическом положении, он переходит к нравственному чувству человека и призывает своих слушателей к покаянию во имя воли Божией, ныне открываемой, и при этом напоминает о Муже «Которого предоставил Бог для спасения людей, чрез Которого Он будет судить вселенную и Которого воскресил из мертвых для уверования всех в Его значение» (17, 22—32).

Как ни искусна по своему составу речь апостола, сказанная в афинском ареопаге, она не произвела на слушателей, однако же, того действия, какого можно было ожидать от нее. Деяния апостольские, выражая впечатление, произведенное этой речью, замечают, что только немногие пристали к апостолу и уверовали в его учение, а большинство с недоверием и даже с глумлением отнеслось к его слову, особенно когда начал он говорить о воскресении мертвых. Его слушали, когда он изъяснял общие истины, доступные религиозному чувству каждого, а лишь только начал он вводить своих слушателей в христианское учение об искуплении, оправдании и суде, слушатели тотчас же изменили свое

внимательное отношение к новому учителю, и он, как видно, преждевременно должен был закончить речь свою. Апостол сам был недоволен тем результатом, каким закончились его ученые беседы с греческими философами и образованными жителями Афин, и потому по прибытии из Афин в Коринф решился проповедовать одного Иисуса Христа и Его распятие, оставя все слова человеческой мудрости, что для образованных эллинов казалось безумием (1 Кор. 1, 17, 22—25; 2, 1—5).

Третья речь апостола Павла, имеющая особое значение для истории проповедничества, отличается тою особенностью, что она обращена не к неверным, подобно другим апостольским речам, а к верующим — именно, к пресвитерам ефесским, на которых апостол смотрел как на сослужителей своих и ближайших сотрудников в деле благовествования имени Христова. Здесь мы видим первый опыт тех архипастырских бесед, с какими часто обращались к почтенным пастырям ревностные иерархи, управлявшие местными церквами. В этой речи господствует тон нежной любви и задушевной мягкости. Апостол изливает здесь перед слушателями всю полноту своего сердца, как отец пред детьми, которым предан всю душою. Особенности обстоятельства вынуждали у апостола этот трогательный и задушевный тон. Он спешил тогда в Иерусалим к празднику Пятидесятницы, и у него было предчувствие, что его ожидает в Иерусалиме скорби и гонения и что он, может быть, в последний раз видит те страны, в которых трудами его основаны Церкви. Бывши в Милите, он пожелал призвать к себе пресвитеров Ефесской Церкви, которой не удалось посетить ему в это последнее путешествие, и пред этими-то, сошедшимися к нему пресвитерами, он изливает со всею искренностью и теплотою свое сердце и напоминает о деле, которое было задачей его жизни и которое после него должно быть подержано и укреплено их заботами и усилиями.

Речь имеет значение завещания, где апостол дает отчет о своей деятельности и выражает свою последнюю волю перед слушателями. Призывая в свидетели собравшихся к нему пресвитеров, он говорит о той неусыпной заботливости, с какою он старался передать им свое учение о Христе, как он учил их всенародно и по домам, не пропуская ничего полезного, говорит о напастьях, испытанных им от наветов иудейских, и многих слезах, какими растворялось его служение. Затем он высказывает пред ними свои грустные предчувствия, с какими едет в Иерусалим, которые на пути его увеличиваются предсказаниями от Духа, о скорбях и узах, его ожидающих. Но он твердо идет навстречу опасности и с радостью готов встретить конец свой; для него его личная безопасность не имеет значения перед службою, принятою им от Господа. Сознывая, что в последний раз они видят лицо его, он, напомнив им, что он чист пред ними, ибо сказал им всю волю Божию, возбуждает их к бдительности над собою и над стадом, порученным им управлению Духом Святым, или над Церковью, приобретенною Кровью Христовой. Дорогое дело Церкви Божией, для которого он неустанно трудился, для которого терпел преследования, заключения и раны, занимает его душу, и он с болью сердца думает о его дальнейших судьбах, предвидя, что после его отшествия в среду верующих явятся лютые волки, расхищающие стадо, и из сонма избранных явятся люди, которые будут говорить развращенное и раздирать Церковь Божию. Поэтому он особенно советует им бодрствовать и быть мужественными, указывая на то, как сам он

в течение трех лет трудился между ними, день и ночь не переставая учить со слезами каждого из них. Теперь же, уже лишаясь возможности лично наблюдать за их нравственным возрастанием, он поручает своих слушателей Богу и слову благодати Его, могущему назидать их более и дать им наследие со всеми святыми. Коснувшись нравственных отношений к своим слушателям, апостол напоминает им далее о внешнем своем поведении. Он смело выставляет на вид, что никому не был в тягость. Он ни от кого не требовал ни серебра, ни золота, ни одежды, но питался трудами рук своих, памятуя слова Господа, сказавшего, что блаженнее давать, нежели принимать. Указывая на свое поведение как на пример и образец для своих слушателей — пресвитеров, он напоминает им о существенной цене их поведения, которая состоит в том, чтобы поддерживать слабых. Увещания свои закончил апостол коленопреклоненною молитвою к Богу. Речь произвела потрясающее впечатление на всех присутствующих. По словам Деяний апостольских, «тогда немалый плач был у всех, и падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его» (Деян. 20, 18—38). Речь эта по преимуществу служит выражением ораторского таланта апостола Павла и вместе с тем представляет образец трогательной и целесообразной прощальной речи.

§ 9. Характеристика речей апостола Павла

Апостол Павел был ученый и образованный еврей. Следы же иудейской учености заметны в его речах и обнаруживаются преимущественно в большем красноречии, чем какое мы встречали в речах Петра. Впрочем, ученость эта не увлекала его к бесплодным фарисейским умствованиям и к безразборчивости по отношению к выбору материи и доказательств. Он питал отвращение к той методе религиозного учения, которая стремилась основываться «на убедительных словах человеческой мудрости», и в своей проповеднической деятельности хотел быть простым и безыскусственным и называл себя в этом отношении даже невеждою в слове (2 Кор. 11, 6), так, чтобы вера людей основывалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией (1 Кор. 2, 1, 4, 5). Доказательства, употребляемые апостолом Павлом, всегда отличаются величайшей целесообразностью. Они имеют ту особенность, что апостол, смотря по тому, говорил ли он пред иудеями или язычниками, пред верными или младенцами по вере, умел всегда сообразно свойствам своих слушателей давать своей речи то или иное направление, и употреблять те или иные доказательства. Большею частью он держался исторического метода доказательств. Для иудеев доказательства истинности учения Иисуса он почерпал из истории иудейского народа и из пророчеств о Мессии, связывал их с историей жизни Иисуса и путем такой исторической дедукции старался уяснить для своих слушателей истины, которые он хотел доказать. Наилучшим примером в этом отношении служит уже названная нами речь апостола, сказанная в иудейской синагоге в Антиохии Писидийской (Деян. 13, 15 и далее). Другим характером отличаются доказательства, употребляемые апостолом в речах, сказанных перед слушателями язычниками. Здесь он старается стать на почву философскую. С большим тактом и знанием дела направляет он в этом случае мысль своих слушателей от рассмотрения явлений природы к познанию и почитанию одного истинного Бога и за-

тем отсюда к необходимости принять учение Иисуса. При этом для придания большего веса своим доказательствам он иногда по требованию обстоятельств приводил некоторые места из греческих поэтов и философов. Образцом подобного рода речей служит также известная нам уже речь его пред афинским ареопагом (Деян. 17, 23 и далее). Кроме этой речи, в Деяниях апостольских записана еще одна речь его пред язычниками, сказанная в городе Листре, где народ по исцелении Павлом хромого от рождения принял его вместе с Варнавою за языческих богов и хотел принести им жертвы. Здесь апостол, с энергией указав на себя только как на проповедника истинного Бога, старается дать им понятие об этом Боге чрез рассмотрение явлений природы. «Бог свидетельствует с неба, — говорит он, — благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищую и веселием наши сердца» (Деян. 14, 15—17).

Манера направлять своих слушателей чрез теоретическое научение к нравственному улучшению и добродетельной жизни у апостола Павла точно такая же, какую мы видели в речах апостола Петра. Необходимость истинного, действительного улучшения жизни выставлялась незаметно в его речах в тесной связи с их общим содержанием и как свойство истинных исповедников Иисуса утверждалась на тех же основаниях, посредством которых он убеждал к принятию Его религии. Прощение грехов под условием нравственного улучшения, воскресение из мертвых и всеобщий суд предлагались как существенные пункты учения христианской религии. Впрочем, апостолу приходилось иногда ограничиваться только указанием на эти пункты без подробного их раскрытия, потому что нередко речи его были прерываемы (Деян. 17, 32; 22, 22; 24, 22). Иногда его наставления были чисто приветственного характера и состояли только в указании важнейших обязанностей и в напоминании о будущем суде. В Деяниях апостольских рассказывается, что во время пребывания апостола в узах в Кесарии, наместник римский Филипп с женою своею Друзиллою, иудеянкой, захотел послушать проповедь Павла о вере во Христа. И Павел говорил им, по словам Деяний, «о правде, о воздержании и о будущем суде» (гл. 24, ст. 25). Для того, чтобы получить больше доступа к сердцу своих слушателей, апостол Павел избегает всего резкого, жестокого и неприятного для его слушателей. Он говорил, что иудеи осудили на смерть Христа во исполнение пророчества, не узнав Его (13, 27), афиняне не порицают за множество капищ и идолов, а напротив, усматривает в этом выражение их благочестия и объясняет их обоготворения золота, серебра и камня и тому подобное неведением, времена которого оставляя ныне, Бог призывает всех к покаянию (17, 22, 23, 29, 30).

По отношению к внешним свойствам речи апостола Павла отличаются сравнительно с речами Петра большим присутствием ораторства и красноречия, хотя они проще и популярнее его собственного стиля, господствующего в его посланиях. Он говорит с достоинством и выразительностью, языком ясным и общепонятным. Общий ход его речей направляется по естественному порядку от известного к неизвестному; приступ нередко многословен и начинается дело издали, но всегда целесообразно (Деян. 13, 23; 17, 23—30). Вообще же существенную характеристику особенность его наставлений составляют сердечность, искренность, сила и убедительность (Деян. 26, 26—29).

§ 10. Общие свойства речей апостольских

Существенную особенность всех речей апостольских, за исключением речи апостола Павла к ефесским пресвитерам, составляет то, что они, произнесенные пред неверующими, пред иудеями и язычниками, имеют ближайшею задачею распространение и утверждение веры Христовой между людьми. Что касается тех речей, с которыми апостолы обращались уже к верующим христианам, то из них до нас не дошло ни одной. Речь к пресвитерам ефесским не может служить образцом подобного рода речей: она произнесена была не пред целым обществом верующих, а пред одним только кланом пресвитеров и при том еще она и как речь прощальная имеет исключительное положение. Главное содержание речей апостольских в общих чертах было следующее: Иисус есть общий избавитель людей, как иудеев, так и язычников, воскресение из мертвых, всеобщий суд, награда за добродетель и наказание за грехи, блаженство или мучение по смерти; кто хочет быть блаженным, должен принять религию Христову, жить сообразно ее предсказаниям и, следовательно, оставить прежнюю греховную жизнь и упражняться в истинной добродетели. Таким образом, в основных пунктах содержание речей апостольских сходно с содержанием речей Иисуса Христа, но по отношению к специальному содержанию его различных целей заметно различаются между собою.

Укрепленные силою свыше, апостолы достигали своею проповедью необикновенных успехов. Число верующих во Иисуса Христа в короткое время выросло до больших размеров. Апостолы вели свое дело с полным сознанием правоты его, они были вполне убеждены в истине проповедуемого ими учения. Убеждение это в особенности утвердилось в сердцах их после смерти и воскресения Христова, которые уничтожили в них всякие сомнения и колебания. Владея отчасти собственными счастливыми природными дарованиями, в особенности же укрепленные верою в высшую Божественную помощь, они продолжали дело своего Учителя и проповедовали Его простое, но полное силы учение с величайшим успехом. А их весьма ясные, понятные, безыскусственные, убедительные и трогательные наставления необходимо должны были возбуждать в сердцах их слушателей веру в истинность того, чему они учили. В проповедях апостольских, которые они говорили уже обращенным к вере во Христа, мы знаем только то, что апостолы в преподавании религиозного учения наблюдали строгую постепенность: от более легкого восходили к труднейшему и предлагали сначала только истины самонужнейшие и необходимые. Апостол Павел говорит в Послании к Коринфянам: «Я говорил с вами, как с младенцами во Христе, я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах» (3, 1—2). И в Послании к Евреям говорит: «Вас снова нужно учить первым началам слова Божия; и для вас нужно молоко, а не твердая пища. Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец. Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различию добра и зла. Посему, оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству; и не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел и вере в Бога, учению о крещении, о возложении рук, о воскресении мертвых и о суде вечном» (Евр. 5, 11—14; 6, 1—2). Из

Посланий апостольских, равно как и из истории их проповеднической деятельности, можно заключить также, что апостолы преимущественно увещевали христиан к твердости в вере и нелицемерному упражнению в добродетели. В Деяниях апостольских об апостоле Павле рассказывается, что он, утверждая души учеников, то есть христиан, увещевал их пребывать в вере и поучал, что многими скорбями надлежит им войти в Царство Божие (Деян. 14, 28).

*§ 11. Проповедь и проповедники
в богослужебных собраниях Апостольской Церкви*

Мы изучали доселе публичные речи святых апостолов, говоренные ими пред обществом людей неверующих, не принадлежащих к Церкви Христовой,—иудеев и язычников. Речи эти, следовательно, миссионерского характера. Что касается до проповедей, говоренных святыми апостолами пред верующими во Христа в богослужебных собраниях первенствующей Церкви, до нас не сохранилось ни одного памятника подобного рода бесед. Тем не менее, на основании сказаний книги Деяний апостольских и собственных Посланий святых апостолов мы можем составить приблизительно верное понятие об этих беседах, как со стороны их содержания, так и со стороны внешних проповеднических приемов.

I

О существовании богослужебных собраний первенствующих христиан и о проповеди как существенном элементе этих собраний мы имеем несомненные исторические свидетельства. В книге Деяний апостольских о первенствующих христианах рассказывается, что «они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитве» (11, 42), и об апостолах, что «они всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (5, 42). Таким образом, в апостольский век учение и проповедь об Иисусе Христе на первых же порах соединялись с богослужением и слышались там, где были собрания верующих для удовлетворения своих религиозных потребностей. Такие собрания на первых порах были в местах, имевших священное значение для иудеев,—в храме Иерусалимском и в иудейских синагогах. В эти-то собрания апостолы и являлись сначала со своею проповедью о Христе. Но с самого же начала возникновения христианских обществ христиане должны были составлять свои особые богослужебные собрания, отличные от иудейских. Это требовалось самым порядком вещей. Иудеи, от которых не отделялись сначала верующие во Христа, недолго терпели в своей среде исповедников новой веры, видевших истинного Мессию в Том, Кого иудеи неправедно осудили и пригвоздили ко кресту. Увидев всю разницу между своею верою и проповедью о Мессии Христе, они скоро воздвигли гонения на последователей Христовых и не давали им свободного доступа в места своих богослужебных собраний. Вступление в христианское общество многих из язычников и явление в нем необрезанных еще более утвердило преграду между иудеями и вышедшими от них исповедниками Христа. Для ревнителей иудейства присутствие в храме необрезанного служило осквернением их святыни, и они очень неодобрительно смотрели на явление таких в местах их богослужебных собраний, как пока-

зывает история последнего пребывания апостола Павла в Иерусалиме. По свидетельству Деяний апостольских, «асийские иудеи, увидев Павла во храме, возмутили весь народ и наложили на него руки, крича: мужи израильские, помогите; этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и еллинов ввел в храм и осквернил святое место сие. Ибо перед тем они видели с ним в городе Трофима ефесянина и думали, что Павел вводил его в храм. Весь город пришел в движение и сделалось стечение народа; и, схватив Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас заперты были двери» (21, 27—30). Должны были волею или неволею христиане уклоняться от мест богослужебных собраний иудейских и заключаться в своих домашних церквах. Христианам из язычников тем легче было сделать это, что их никакие предания не привязывали к храму и синагогам, и там они не могли найти для себя ничего особенно привлекательного. Вследствие этих обстоятельств верующие во Христа оставляют синагоги и храм и всем своим религиозным потребностям удовлетворяют в собраниях домашних. Эти собрания бывают или в более просторных домах, принадлежащих кому-либо из окружающих, как, например, в доме Марии, матери Иоанна Марка (Деян. 12, 12), или в домах лиц, отличавшихся благочестием и знанием Писания (1 Кор. 16, 19), или в нанятых нарочито для собрания удобных помещениях, как например в Ефесе, где Павел сначала в продолжение трех месяцев проповедовал в синагоге, а потом, когда многие ожесточились против него, он отделил учеников своих и в течение двух лет ежедневно проповедовал в училище некоего Тиранна (Деян. 19, 8—10). Собиравшиеся в одном месте для богослужения составляли одну домашнюю церковь, которая называлась по имени человека, в доме которого были собрания. Так, в апостольских Посланиях упоминается домашняя церковь Акилы и Прискиллы (1 Кор. 16, 12. Рим. 16, 4), Нимфана (Кол. 4, 15), Филимона (Фил. 1, 2) и Гаия (Рим. 16, 23).

Времени, строго определенного для богослужебных собраний в домах, не было в первенствующей Церкви. По свидетельству Деяний апостольских, верующие каждый день собирались для преломления хлеба (2, 46), и только один раз упоминается о собрании в первый день по субботе, в нынешний воскресный. Такое собрание было в Троаде, где апостол Павел вел продолжительную беседу с верующими (Деян. 20, 7 и 2). На основании слов апостола Павла в речи к ефесским пресвитерам, что он не пропустил ничего полезного, о чем не проповедовал бы им и чему не учил бы их всенародно и по домам (Деян. 20, 20) и других параллельных мест (Деян. 2, 46; 5, 42), предполагают, что у христиан были двойного рода богослужебные собрания: всенародные, куда допускались иудеи и язычники, и частные, куда собирались одни только христиане. В Послании к Коринфянам апостол довольно ясно дает заметить различие этих двух собраний общества, из которых одно назначалось для гомилетически-дидактической деятельности, другое для совершения Евхаристии. В то и в другое вкрались злоупотребления: там в употреблении духовных даров, здесь в сепаратизме богатых; апостол начинает порицанием последнего злоупотребления, так как оно касалось более важной части богослужения, затем трактует о духовных дарах, присоединяя свои предписания относительно употребления их в собраниях (1 Кор., гл. 11—14). Что совершение агап и Евхаристии

ограничивалось исключительно христианами и было недоступно для неверующих — это разумеется само собой. Между тем, другим собраниям, собраниям с гомилетически-дидактической целью, апостол придает характер общественный, так как на этих собраниях не только участвовало все христианское общество, но и неверующие имели в них свободный доступ. «Если вся Церковь, — говорит апостол, — сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли они, что вы беснуетесь» (1 Кор. 14, 23—24). Что касается времени этих собраний, то, как мы видели, они устраивались ежедневно, но в какие часы дня, определить трудно. Относительно, впрочем, собраний евхаристических можно принять за несомненное, что они проходили в вечернее время, во время ужина. В пользу этого говорит как аналогия установления Евхаристии, последовавшей первообразом этих собраний, так и особенно упомянутый нами рассказ Деяний апостольских о богослужбном собрании в Троаде. Апостол Павел вел здесь продолжительную беседу пред преломлением и после преломления хлеба, так что преломление хлеба апостол совершил уже после полуночи, а собрание кончилось на рассвете. Таким образом, несомненно, что собрание началось вечером. И это, можно думать, не случайность, а принятый обычай, который, как апостольский, удержан в послеапостольское время. В противоположность этим собраниям первые уже по причине их общественного характера происходили, нужно полагать, в разные часы дня, утром, так как это время как у иудеев, так и язычников посвящалось молитве. Таким образом, в двояких собраниях своих христиане апостольского времени совершали утреннее и вечернее богослужение.

II

Главным элементом общественного богослужения было учение. Хотя оно входило как существенная часть и в богослужение вечернее, что весьма ясно доказывается рассказом о собрании в Троаде. Учение непосредственно примыкало к писанию Ветхого Завета и к истории Спасителя. Чтение ветхозаветных книг, пользовавшееся уважением христиан, было в богослужбном употреблении христианской Церкви в апостольский век, и с первых же дней ее существования утверждалось в ней навсегда, перешедши сюда из иудейских синагог. Так как в синагогах поучения примыкали к чтениям закона и пророков, так точно и здесь в христианстве. Пример Иисуса Христа (Лк. 4, 16—22) и апостолов (Деян. 13, 14—41) освятил этот древний обычай. Христианские учителя тем охотнее прибегали к ветхозаветным писаниям, что они здесь находили частые пророческие и преобразовательные указания на события новозаветной истории, на жизнь и страдания Богочеловека. Чтение писаний Ветхого Завета давало им случай сближать пророчества и преобразования с событиями и освещать одно другими. Следует, впрочем, заметить, что, хотя существование чтения ветхозаветных писаний в богослужбных собраниях первенствующих христиан принимается обыкновенно как несомненный факт, тем не менее вполне достоверных исторических данных об этом предмете мы не имеем. Доказательства в этом случае больше отрицательного, чем положительного характера. Невозможно предположить отсутствие этих чтений, принимая во внимание то уважение, каким пользовались ветхозаветные писания у христиан.

Уважение это освящено примером самого Христа и Его апостолов, речи и писания которых переполнены ссылками на писания ветхозаветные как на богодухновенные. Есть, впрочем, относительно этих чтений и некоторые, более или менее вероятные, положительные данные. В Послании к Колоссянам (3, 16) апостол убеждает научать и вразумлять друг друга псалмами. В первом Послании к Тимофею (4, 13) советует ему заниматься чтением, наставлением и учением. Под выражением *προσέχετε τῇ ἀναγνώσει* («внемли чтению») разумеют обыкновенное чтение общественное на том основании, что апостол *ἀναγνώσις* тесно связывает с наставлением и учением, и что выражение это в Новом Завете, где оно кроме указанного встречается еще два раза (Деян. 13, 15, 2 Кор. 3, 14), равно как и в позднейшем литературном языке, употребляется только в отношении к общественным чтениям. Места эти составляют единственные положительные данные, которыми обосновывается факт существования чтения ветхозаветных Писаний в богослужебных собраниях первенствующих христиан.

К Писаниям ветхозаветным, употребляемым при богослужении, присоединялись Писания и новозаветные, по мере их появления и распространения в обществе христиан. Их также читали в Церквах для общественного назидания, как это видно из распоряжений апостола Павла, который повелевает свое Послание к Колоссянам по прочтении у них передать в Лаодикийскую Церковь для прочтения, а то, которое в Лаодикии, прочитать и Колоссянам (Кол. 4, 1), также Послание к Солунянам закликает прочитать всем святым братьям (1 Сол. 5, 24). Такой обмен Посланиями между Церквами не мог быть одиночным явлением, напротив, это одна из обыкновенных форм общественной жизни, и если апостол только в двух посланиях высказал свое требование относительно прочтения их в Церкви, то на это у него были, вероятно, особые причины. Другие Послания, по всей вероятности, также читались всеми Церквами. Богослужение было самым удобным временем для прочтения их не только потому, что в нем принимало участие все общество, но главным образом потому, что богослужение располагало нравственно к более сосредоточенному вниманию, к более глубокому пониманию и усвоению содержания посланий, к взаимному обсуждению и выяснению того, что могло представлять в них неудобопонятное и неясное для менее развитых и совершенных членов; наконец, авторитет апостольский, уважение и благоговение к богослужебному апостольскому слову со стороны верующих естественно располагали к чтению их в священном месте во время богослужения. Послеапостольская практика вполне оправдывает это: обычай евангельских и апостольских чтений, равно как и чтений из Писаний ветхозаветных, не без основания признается апостольским учреждением и свое начало имеет в практике апостольского богослужения.

III

В большей или меньшей связи с чтениями стояла проповедь, призывая к ним часто в виде объяснения, часто в форме свободного раскрытия на основании их предметов веры и нравственности христианской. О содержании и характере этой проповеди мы можем судить на основании свидетельства писаний апостольских о том, чему учили сами апостолы, а также на основании тех наставлений, какие давали апосто-

лы своим преемникам относительно прохождения учительского служения.

Если бы и не было никаких известий о том, чему учили в первенствующей церкви на собраниях верующих, мы несомненно могли бы воспомянуть, что главным предметом церковного собеседования было воспоминание об Иисусе Христе, его жизни, делах, учении, страданиях и воскресении. Это было вполне естественным явлением. В новооснованной Церкви все напоминало об имени Господа Иисуса и сердца уверовавших во Христа, полные памятью о Нем, невольно изливались при взаимных собраниях христианских в словах веры и любви к Господу. Деяния апостольские положительно свидетельствуют об этом, замечая, что апостолы всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе (5, 42). По собственному признанию апостола Павла, он и подобно ему другие провозвестники Евангелия ничего не хотели знать, кроме «Иисуса Христа и притом распятого» (1 Кор. 2, 2), и проповедовали Христа распятого, «для иудеев слава, а для еллинов безумие; для самих же призванных иудеев и еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор. 1, 20, 24). Проповедуя о Христе, апостолы воспомянали пред верующими слова Спасителя и рассказывали им события из Его жизни. Апостол Павел припоминает Коринфянам, как он передал им о том, «что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание; также и чашу после вечери и сказал: сие чаша есть новый завет в Моей Крови, сие творите, когда только будете пить в Мое воспоминание» (1 Кор. 11, 23—25). В другом месте того же Послания к Коринфянам апостол напоминает им о том, о чем он рассказывал им ранее, именно, что он преподавал им первоначально, что и сам принял, то есть, что «Христос умер за грехи наши по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати, потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть и доньше в живых, а некоторые и почили, потом явился Иакову, также всем апостолам, а после всех явился и мне, как некоему извергу» (1 Кор. 15, 3—8). Из этих рассказов о жизни и чудесах Спасителя, передававшихся в обществе верующих в богослужебных собраниях очевидцами и слушателями Слова, образовались живые предания о Нем, которые были всем известны и из которых составлялись многие повествования о Христе, распространявшиеся между христианами (Лк. 1, 1—2), и апостол Павел заповедует верным твердо держаться тех «преданий, которым они научены или словом, или наставлением» апостольским (2 Сол. 2, 15). На основании этих указаний некоторые ученые (Гарник, Тирш) признают, что сообщение речей Спасителя и событий из Его жизни входило в состав гомилетическо-дидактической части богослужения. Апостолы не ограничивались только простою передачею речей и рассказами событий из жизни Спасителя; они обращали внимание и на нравственную сторону своих слушателей, направляя их мысли и расположения к Царству Небесному. Об апостоле Павле в Деяниях апостольских рассказывается, что он, утверждая души учеников, то есть христиан, увещевал их пребывать в вере и поучал, что многими скорбями надлежит им войти в Царство Божие (14, 28).

Приведенные места Писания указывают предмет учения, который сообщали и разъясняли верующим собственно апостолы. Но они имеют решительное значение для определения учительной деятельности целой эпохи, современной апостолам, так как апостолы в первенствующей Церкви были главными учителями и руководителями верующих и пример их учения для учеников их и продолжателей их был законом, определяющим их практику. Прямым дополнением к свидетельствам Писания о содержании проповеди в богослужебных собраниях первенствующих христиан служат те наставления, которые давали апостолы касательно учения наставляемым или пастырям и учителям Церкви. Наставления эти изложены главным образом в пастырских Посланиях апостола Павла.

По наставлениям апостола учителя Церкви должны были проповедовать и, конечно, проповедовали то же благовестие Христа (2 Тим. 1, 8) или предание, какое слышалось из уст апостолов (1 Тим. 6, 20). Тимофею Павел прямо предписывает держаться образца здорового учения, которое он слышал от него (2 Тим. 1, 13), и что слышал от него при многих свидетелях, то передавать верным людям, которые были бы способны и других научить (2 Тим. 2, 2), помнить Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых по благовестию его (2 Тим. 2, 8), напоминать о сем другим и являть себя чрез то делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины (2 Тим. 2, 14—15). Но не ограничиваясь общим словом о Христе и спасении, руководимые апостолом учителя должны были устроить внешние отношения верующих по законам нравственного приличия, и увещевать их вести себя так, чтобы они во всем были украшением учения Спасителя нашего (1 Тим. 2, 10). Апостол повелевает им раскрывать обязанности каждого члена общества, поставленного в известные отношения к другим, и при этом начертывает образ поведения, достойный последователей Христовых. Тимофей и Тит, равно и другие учителя верных, должны были учить, каковы должны быть старцы и юноши (Тит. 2, 1, 2, 6), как должны вести себя старцы, вдовы, имеющие семьи и одинокие, молодые женщины, живущие с мужьями и детьми (Тит. 2, 1, 3—5; 1 Тим. 5, 4—7), должны были наставлять богатых, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога Живого, дающего нам все обильно для наслаждения, чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровища, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни (1 Тим. 6, 17—19); рабов увещевать, чтобы они почитали господ и служили им, дабы не было хулы на имя Божие и учение (1 Тим. 6, 1—2), повиновались им во всем и угождали, не прекословили, не крали, но оказывали всю добрую верность (Тит. 2, 9—10), и всем напоминать, чтобы повиновались и покорялись начальству и властям, никого не злословили, были не сварливы, но тихи и оказывали всякую кротость ко всем человекам (Тит. 3, 1—2).

Апостольские послания, кроме содержания речей апостольских в богослужебных собраниях, дают нам основания и для суждения о приемах, каких держались апостолы при преподавании религиозных истин. Они соблюдали в этом отношении строгую постепенность: от более легкого восходили к труднейшему и предлагали сначала только истины самонужнейшие и необходимые. Апостол Павел в Послании к Коринфя-

нам говорит: «Я говорил с вами, как с младенцами во Христе, я питал вас молоком, а не твердую пищу, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах» (1 Кор. 3, 1—2). И в Послании к Евреям говорит: «Вас снова нужно учить первым начаткам слова Божия, и для вас нужно молоко, а не твердая пища. Всякий, питаемый молоком, не сведущ в словах правды, потому что он младенец. Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла. Посему оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству; и не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел и вере в Бога, учению о крещении, о возложении рук, о воскресении мертвых и о суде вечном» (5, 11—14; 6, 1—2).

Обращаясь к внешней форме проповеди в богослужебных собраниях первенствующих христиан, мы должны отбросить всякое представление о цельности, законченности, последовательности в развитии мысли, вообще о методичности. Деяния апостольские обозначают эти беседы словами *διαλεγεται* и *ομιλειν* (Деян. 20, 7, 11), что прямо указывает на характер проповеди. Она имела характер беседы в собственном смысле, при которой происходил обмен мыслей между участниками собрания, и слово проповедника прерывалось вопросами и заключениями со стороны слушателей. Такая форма ведения дела наиболее гармонизировала с характером в домашних церквях, где не могло быть особой торжественности, и не представляла неудобств при небольшом количестве лиц, составлявших собрание. Отсюда то взаимное самоназидание членов общины, то вразумление и наставление друг друга, о котором так часто говорит апостол Павел (Рим. 15, 14; Кол. 3, 16; Еф. 5, 19; Евр. 10, 24). При таком характере общественно-церковного назидания беседа, например, апостола Павла в собрании учеников при преломлении хлеба, начатая с вечера, продолжалась за полночь и даже до рассвета (Деян. 20, 7, 11). Что едва ли было бы возможно, если бы Павел один вел речь среди собрания верующих. Таким путем слово Христово обильно вселялось в сердца верующих со всякою премудростью (Кол. 3, 16), и они исполнялись благодати и всякого познания (Рим. 15, 14).

IV

Касательно права учения и лиц, учащих в первенствующей Церкви, в дошедших до нас исторических документах нет ясных и определенных правил, и об этом предмете нельзя судить по аналогии с современной действительностью. При агапах и богослужебных собраниях в домашних церквях религиозное назидание велось путем взаимной беседы. В такой беседе все могли принимать участие и говорящих было много: одни предлагали вопросы, другие требовали разъяснения, третьи высказывали замечания и возражения, четвертые делали дополнения для большего утверждения той или другой истины и тому подобное. Когда в общественных собраниях являлись апостолы, им, конечно, принадлежало руководящее и наставительное слово. Но они не могли быть везде, во всех собраниях при умножении числа верующих и вместе с тем при умножении числа домашних церквей. Кто же были представителями дела проповеди и учения в богослужебных собраниях в отсутствие апостолов? При решении этого вопроса надобно принять во внимание то обстоятельство, что иной характер имели богослужебные собрания в начале существования Церкви Апостольской и иной в конце, что сопро-

вождалось аналогичными явлениями и по отношению к лицам, имевшим право проповедовать в этих собраниях. Отличительный характер богослужебных собраний в первое время существования апостольской церкви составляет отсутствие какой бы то ни было организации и определенного порядка. Это было время, богатое проявлениями обильных даров Духа Святого, о приобретении которого первенствующие христиане, согласно заповеди апостола, прилагали особые заботы (1 Кор. 14, 1). Дары эти были обильны и весьма разнообразны. В Посланиях к Римлянам и Коринфянам апостол Павел сообщает нам об этом обилии духовных даров, когда объясняет жизнь Церкви как одного общественного организма. «Каждому дается, — говорит он, — проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания тем же Духом, иному вера тем же Духом, иному же дар исцелений тем же Духом, иному чудотворения, иному пророчества, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков» (1 Кор. 12, 7—11). И в другом месте, перечисляя дары благодати, апостол говорит: «Как по данной нам благодати имеют различные дарования, то имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием» (Рим. 12, 6—8). При таком богатстве духовных даров непосредственное воздействие Духа Святого на верующих в богослужебных собраниях вполне заменяло собою так называемую организацию и порядок. Сам Дух Святой был здесь высшим руководительным началом, внушениям Которого подчинялся каждый член Церкви. Таким образом, на первых порах в этих собраниях господствовала полная свобода: каждый, почувствовавший на себе воздействие Духа, становился деятельным участником богослужения. У каждого мог быть свой «псалом, поучение, язык, откровение и истолкование» (1 Кор. 14, 26). Поэтому и назидание собравшегося общества посредством слова не было здесь исключительною привилегией ни апостолов, хотя их слово имело значение правила для всех, ни пресвитерского звания, хотя от пресвитеров требовалось между прочим, чтобы они были учительны и способны учить других (Тим. и Тит.). Каждый способный и обладающий даром член общества имел право выступить в собрании со словом и учением. Только одним женщинам запрещалось в Церкви говорить и учить (1 Кор. 14, 34; 1 Тим. 2, 12). Личная мысль имела полный простор в области богослужения, точно так, как индивидуальная свобода в области жизни. Различие между учащими и поучаемыми было лишь относительное, далекое от той противоположности, какая установилась здесь в последующей дисциплине.

Каждый член общества занимал положение мирянина или *ιδιωτης* только до тех пор, пока слушал речь другого, а потом мог занять место учащего, как только в его душе созревало слово назидания (1 Кор. 14, 16). Благодаря этой свободе слова проповеднического, при служении апостольском происходил оживленный, искренний обмен речами в форместного домашнего разговора или беседы (*διαλεγεσθαι* и *ομιλειν*) (Деян. 20, 7, 11). И богослужебные собрания первенствующих христиан в этом отношении представляют редкие, замечательные и беспримерные явления в христианской Церкви. Бывали в этих собраниях и минуты спокойного, молчаливого созерцания, но это случалось не часто. Обык-

новенно — с начала же собрания вставал кто-нибудь вдохновленный и держал речь. Чем восторженнее и одушевленнее чувствовал себя такой вдохновленный, тем менее, конечно, мог он сдерживать порывы своего одушевления, и если это был говоривший языками, тем меньше он обращал внимания на религиозные потребности присутствующих. И чаще всего можно было встретить именно одушевленных сим даром, потому что, как видно из Посланий апостола, о нем более всего ревновали верующие, так как дар этот преимущественно пред другими считался знаменем могущества веры Христовой для неверующих. Глоссоалалы, или говорившие языками в богослужебных собраниях, ни в каком случае не могут быть причислены к классу людей учащих и назидających Церковь. Это были люди, которые под влиянием воздействия Духа, приходя в особое вдохновенное состояние, духом своим беседовали с Богом, но так, что и их собственный ум не участвовал в этом и оставался без плода, и другие не понимали их. Таким образом, это были представители крайнего субъективизма, бесплодного по отношениям своим к назиданию Церкви. По апостолу, «кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу, потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом. Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя. Посему,— продолжает апостол,— говорящий на незнакомом языке молит о даре истолкования. Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, то дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом... Ибо если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолудина как скажет: аминь, при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь» (1 Кор. 14, 2, 4, 13—16). Настроение глоссоалалов, обозначаемое святым апостолом названием внутренней беседы духа их с Богом, скорее, было настроением молящегося, чем учащего. Кроме глоссоалалов, в богослужебных собраниях христиан Апостольской Церкви выступали со словом пророки. Этим именем хотя также обозначались люди, получившие непосредственное озарение от Духа Святого, однако же действие Духа не подавляло в них сознания и самостоятельности и слово их было назидательно для Церкви. О приобретении этого духа апостол особенно рекомендовал ревновать верующим и отдавал полное предпочтение пред даром глоссоалалии, имея в виду пользу Церкви. «Ревнуйте о дарах духовных, — писал он к Коринфянам, — преимущественно же о том, чтобы пророчествовать. Кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение; кто пророчествует, тот назидает Церковь» (1 Кор. 14, 1, 3—4). Таким образом, пророки были люди, выступавшие в богослужебных собраниях первенствующих христиан с словом назидания. Принадлежность их к классу учащих очевидна сама собою из характера их деятельности, представленной священным апостолом, а также из того, что слово пророк в Священном Писании иногда употребляется в смысле, тождественном слову учитель, и это было настолько обычно, что и в первые времена христианства слово пророчество (προφητεία) наравне со словом учение (διδασκαλία) долгое время прилагалось к означению церковного проповедного слова вообще и такой смысл соединялся с этим термином даже во времена Оригена. Впрочем, в Церкви Апостольской, как и вообще, пророки не отождествлялись вполне с учителями. Апостол Павел каждый раз о пророках и учителях говорит раздельно (Рим. 12, 4—8; 1 Кор. 12, 28—29; Еф. 4, 11), а также разли-

чает пророчество и учение, дар пророчества и дар учения (Рим. 12, 4—8; 1 Кор. 14, 6). Различие между пророками и учителями состояло в том, что первые выступали со словом учения и назидания в состоянии вдохновения, говорили, когда получали вдохновение от Духа Святого (1 Кор. 14, 30) и, следовательно, это не были нарочно поставленные лица, но являлись в деятельной роли лишь под непосредственным воздействием Святого Духа. Кроме того, существенным элементом, входящим в понятие о пророке, всегда было представление об особой проницательности или прозорливости. В этом, конечно, смысле и апостол говорит о пророках: «Когда в Церкви все пророчествуют и выйдет кто неверующий, то он всеми обличается, всеми судится, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог» (1 Кор. 14, 24—25). Рядом с пророками апостол Павел каждый раз ставит учителей. «Иных поставил Бог в Церкви,— говорит он,— во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями» (1 Кор. 12, 28, срав. Еф. 4, 11). Учителя были люди спокойные, рассудительные, обладавшие знаниями и опытностью, которые могли быть постоянными руководителями в доме назидания и научения верующих. Хотя апостол учение называет дарованием Духа (Рим. 12, 6—7), но не в таком прямом и непосредственном смысле, как глоссолалии и пророчества. Кроме апостолов, пророков и учителей, апостол Павел упоминает еще в одном месте благовестников, или евангелистов (Еф. 4, 11). Под этим именем можно разумеать ближайших помощников апостольских в деле распространения и утверждения веры Христовой, проповедническая деятельность которых, подобно апостолам, имела большею частью характер миссионерский. Таковы были, например, Филипп, Тимофей и Тит, которым новозаветные Писания присваивают название благовестников (Деян. 21, 8; Тим. 6, 5).

Таким образом, в богослужебных собраниях первенствующих христиан выступали со словом глоссоалалы, пророки и учителя. Хотя свобода слова в этих собраниях ограничивалась тем необходимым условием, что говорить могли только получившие непосредственное озарение от Духа, тем не менее скоро в собраниях христиан возникли, благодаря отсутствию определенных правил и форм, беспорядки, которые апостолы должны были так или иначе устранить. Первыми нарушителями порядка явились глоссоалалы, а потом пророки. Не заботясь о назидании других, которые не могли понимать их изречений, глоссоалалы неудержимо предавались влечению своего одушевления, ни на что не обращая внимания, и говорили нередко по несколько человек вдруг. Равным образом случалось, что и пророк, чувствуя в себе особое воздействие пророческого духа, начинал свою речь, не обращая внимания на то, что рядом с ним говорил другой пророк. Понятно, что такое беспорядочное явление не могло долго оставаться без вреда для назидательной цели богослужебных собраний. Апостолы ясно сознавали это и потому должны были ограничить некоторыми правилами безграничную свободу пользовавшихся дарами духовными. Правда, разнообразие дарований, говоря вообще, было одним из лучших явлений христианского одушевления и горячности любви к вере Христовой, и во многих случаях было причиной обращения ко Христу язычников; но апостолы обращали внимание на религиозные потребности не язычников только неверующих, но и тех, которые уверовали уже во Христа. Предписания апостола Павла, касающиеся этого предмета, ясно показывают, что он

живо чувствовал многие неудобства существовавшего тогда порядка вещей, но не скоро еще можно было изменить утвердившееся; вместе с злоупотреблениями и беспорядками легко можно было убить в верующих живое и горячее сочувствие к вере Христовой. Посему-то апостол Павел, когда предстоятели коринфского общества спрашивали его, как устранить вкравшиеся злоупотребления, особенно в отношении к глоссолалии, не уничтожает всего совершенно, но только делает некоторые ограничения. Более всего и прежде всего требовалось наставлений относительно значения и употребления дара языков, потому что от неблагодарного употребления этого дара всего более было беспорядков в христианских собраниях. Апостол совершенно далек от того, чтобы отрицать всякое достоинство у этого дарования Духа; он признает достоинство его как одной из форм религиозной жизни, видит пользу, какую принесло это дарование в деле обращения неверующих, и он даже благодарит Бога за то, что удостоился дара языков, но, принимая во внимание пользу богослужебных собраний, апостол дает дару языков второстепенное значение, потому что дар этот не имел в себе ничего существенно полезного для этих собраний. Не имея ни существенной нужды, ни даже возможности запретить употребление сего дара вовсе, апостол ограничивается только наставлением, чтобы в одно и то же время не говорили двое или трое глоссолатов вдруг, и при том, чтобы каждый языковещатель был непременно толкуем другим, в противном же случае должен был молчать и беседовать себе и Богу (1 Кор. 14, 27—28). Точно так же и пророки должны были говорить двое или трое, а прочие должны рассуждать, то есть объяснять то, что они говорят; по очереди должны пророчествовать все те, кому было откровение, то есть кто чувствовал себя в данную минуту способным и вдохновленным (ст. 29—30). Очевидно, апостол, желая, чтобы в богослужебных собраниях все было направлено к назиданию, хотел устранить все темное и непонятное в общественных наставлениях, чтобы христианское сознание находило здесь ясные и отчетливые сведения о предметах веры.

Имея в виду осуществление сей собственно цели, апостол естественно должен был между разными видами наставления отдать преимущество дару учительства, спокойному и рассудительному наставлению, в котором соединялось глубокое знание Священного Писания и сущности христианской религии со знанием природы человеческой, наставлению, в котором спокойная рассудительность устраняла всякую возможность заблуждения или обольщения чувством или воображением. Дар языков и дар пророчества, по предписанию апостола, рано или поздно должны были прекратиться (1 Кор. 13, 8). Только об учительстве апостол не говорит, что оно когда-нибудь прекратится; он видел ясно, что по прекращению чрезвычайных духовных дарований учительство останется главным средством назидания верующих и все больше и больше будет развиваться для пользы Церкви. Впрочем, в то время, когда апостол писал свое первое Послание к Коринфянам, великого дела учительства в собственном смысле он мог коснуться только отчасти, мимоходом. Учительство в богослужебных собраниях того времени занимало скромное место после дара языков и пророчеств, и споров о нем не возникало, так что относительно учительства со стороны коринфян не было и вопросов апостолу. Поставить и развивать этот вопрос самому от себя апостол считал, вероятно, не совсем уместным, и он оставил это дело,

как оно и было. Учительство, так же как и другие дарования, было достоянием общим для всех, и пользоваться им мог всякий, у кого к тому была способность от природы и приличное образование. Но ограничение скоро явилось само собою; право учить предоставлено всем, но не все были к тому способны. Общины привыкали слушать людей, возвышавшихся над другими своими знаниями и умелым, влиятельным словом, и могли желать и просить, чтобы эти люди сообщали им то, что должно было служить к назиданию, утешению и исправлению их. И сами эти люди, являвшиеся в качестве общественных церковных учителей при богослужебных собраниях, постепенно осваивались со своею ролью и не уклонялись от обязанности учительства, выпавшей на их долю. На свое дело, важное в икономии церковной жизни, они получали полномочия от общества и его предстоятелей и, где можно было, от самих апостолов. Таким образом, широкая свобода в отношении к публичному церковному слову весьма скоро получила ограничение вследствие естественного порядка вещей, по которому не все способны были к учительской деятельности. И воля Церкви и ее предстоятелей не замедлила освятить и утвердить этот порядок сообщением особых полномочий людям, могущим быть учителями для других в деле назидания веры и нравственного воспитания общества. Поэтому-то апостол в посланиях, писанных после первого Послания к Коринфянам, и распространяется в своих наставлениях, определяющих свойства общественного учителя. Вменение предстоятелю Церкви и по обязанности быть способным к научению ясно означает победу спокойного учительства в богослужебных собраниях над глоссолалией и пророчеством, потому что сих последних даров апостол не считает необходимой принадлежностью для лица священного; между тем как, по заповеди апостола, епископу подобает быть учительну и пресвитеры, труждающиеся в слове и учении, должны были сподобляться сугубой чести. Следует, впрочем, заметить, что с этою привилегиею на право учительства епископов и пресвитеров не встречается еще прямых запрещений проповедовать в Церкви мирян-
нам.

Общий обзор состояния проповедничества восточной Церкви до Оригена

Как внешнее устройство жизни христианского общества с самого начала его существования проявлялось в наиболее простейших формах, так же точно подобною же простотою отличались и формы жизни этого общества, относившиеся к его высшим духовным потребностям. Местом для богослужебных собраний служило большею частью жилище какого-либо благочестивого христианина, которое заменяло собою храм. Собиравшиеся таким образом в одном месте для богослужения составляли одну домашнюю церковь, которая называлась по имени человека, в доме которого было собрание. Так, в апостольских Посланиях упоминается домашняя церковь Акилы и Прискиллы (1 Кор. 16, 19; Рим. 16, 4), Нимфана (Кол. 4, 15), Филимона (Фил. 1, 2) и Гаия (Рим. 16, 23). Самый порядок этого домашнего богослужения определяется весьма ясно сказанием Деяний апостольских о первенствующих христианах, что они «постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2, 42). Общее пение и молитвы при существовавшей простоте внешних отношений и свободе отдельных личностей должны были действовать возвышающим образом на дух моля-

щихся,—учение же апостолов, чтение Священного Писания и следовавшее непосредственно за ним краткое его изъяснение или поучение, назидание, проповедь давали пищу их уму и чувству и направляли их волю к деятельности, соответствовавшей христианским идеалам. В этом отношении христианская церковь унаследовала обычаи иудейской синагоги, где чтение Священного Писания сопровождалось изъяснениями, как и вообще синагогальные собрания с их распорядком послужили первоначальным образом устройства христианского богослужения.

Это заимствование порядков синагоги не было явлением случайным, а освящено высшим авторитетом Самого Иисуса Христа, Который, по рассказам евангелистов, начал Свою проповедническую деятельность в синагогах иудейских, подчиняясь существовавшим в них порядкам и обычаям, как это видно из рассказа о посещении и проповеди Его в синагоге назаретской (Лк. 4, 15—32). Не лишнее будет поэтому познаться как с внешним устройством синагог, так и с внутренними их порядками.

Синагоги вообще состояли из простой четырехугольной залы, с портиком из колонн греческой архитектуры. Самая отдаленная сторона, где помещалось святилище, обращена была постоянно к Иерусалиму, что и называлось «кибле», то есть священное направление. В более богатых местностях синагоги строились из белого мрамора, с изваянием на наружной стороне грубых, рельефных изображений из виноградных лоз и гроздьев или из распустившейся ветви или из сосуда с манной. Близ входа с одной стороны стояли сидения для мужчин, на другой стороне за решеткой садились обыкновенно женщины, завернутые в свои широкие покрывала. На одном конце находился «теббаг», или ковчег из раскрашенного дерева, заключавший в себе Священное Писание, а в стороне устраивалась «бима», или возвышенное седалище для чтеца или проповедника. Клира в строгом смысле не было, но на некотором возвышении сидело человек около десяти и более «батланимов»,—чтецов или старцев-руководителей, а выше всех их стояло седалище начальника синагоги. Сидения эти устанавливались под ковчегом, следовательно, лицом к соборанию. Младшие по чину назывались «хаццанами», на обязанности которых лежало хранение священных книг. Самая синагога в древности называлась Беф Тефиллаг—дом молитвы, а во времена Спасителя носила название Беф Кенезеф—дом собрания. Часы этих собраний были 3-й, 6-й и 9-й.

Богослужение в синагогах совершалось следующим образом: после молитв—«шема», состоявших из гимнов одиннадцати «берахов», или благословений, читались обыкновенно отрывки из Священного Писания: один из Закона—«парашаг», или «параш», другой из пророков—«гафтарэг», или «гафтар». Чтения сопровождалось изъяснениями или поучениями. Для исполнения этих обязанностей не было особенных нарочитых личностей, потому что обязанности священников и левитов, состоявших единственно только при иерусалимском храме, были совершенно другие. Читать писание и предлагать изъяснение его или поучение могло не только лицо, имеющее на то право или получившее позволение от начальника синагоги, но всякий, кто только по своему желанию мог прибавить свой собственный «мидрат», или толкование на прочитанное. Подобно этому и первенствующие христиане в своих богослужебных собраниях проводили время в молитвах и пении псалмов, в уче-

нии апостолов и чтении ветхозаветных Писаний. К этому присоединялась еще таинственная сторона богослужения, которой в синагогах не было и которая состояла «в преломлении хлеба», то есть в принесении бескровной жертвы.

Знакомство с ветхозаветными книгами чрез чтение их в богослужбных собраниях первенствующих членов христианской Церкви было необходимо преимущественно ввиду того, что пророческие места, имевшие указания на Мессию, сохраняли существенное значение для правильного понимания новозаветных Священных книг. И христианские учителя тем охотнее прибегали к ветхозаветным Писаниям, что они здесь находили частые пророческие и прообразовательные указания на события новозаветной истории, на жизнь и страдания Богочеловека. Чтение Писаний Ветхого Завета давало им случай сблизить пророчества и прообразования с новозаветными событиями и освещать одни другими. Таким образом обычай чтения ветхозаветных Писаний в богослужбных собраниях, перешедший в христианскую Церковь из иудейских синагог, будучи освящен примером Иисуса Христа и апостолов, утвердился в ней навсегда с самых первых дней ее существования. К Писаниям ветхозаветным, употреблявшимся при богослужении, присоединялись Писания и новозаветные, по мере их появления и распространения в обществе христиан. Их также читали в церквах для общественного назидания, как это видно из распоряжений апостола Павла, который повелевает свое Послание к Колоссянам по прочтении у них передать в Лаодикийскую Церковь для прочтения же, а то, которое из Лаодикии, прочитать и Колоссянам (Кол. 4, 16); также Послание к Солунянам закликает прочитать всем святым братьям (1 Сол. 5, 27). Этот прекрасный обычай публичного чтения Писаний в богослужбных собраниях тем более должен был сохраняться, чем труднее было для отдельных христиан приобретать в собственность редкие и весьма дорогие священные книги, и чем более было поводов желать, чтобы знали их все члены Церкви, даже и те, которые сами не могли читать.

В большей или меньшей связи с чтениями стояла проповедь, примыкая к ним частью в виде объяснения, частью в форме свободного раскрытия на основании их предметов веры и нравственности христианской. Проповедь непосредственно следовала за чтением Писания, говорила предстоятелем Церкви и была простым, сердечным, дружеским советом применять в жизни заповеди евангелия или же состояла из объяснения чего-либо темного и малопонятного из прочитанного и слышанного. В такой непосредственной связи с чтением Писания проповедь стояла со времен апостольских. Апостол Павел заповедует ученику своему Тимофею, чтобы он занимался чтением, наставлением и учением (1 Тим. 4, 13), то есть чтобы общественное чтение Священного Писания сопровождал наставлением и учением. Но совершенно ясные и неоспоримые свидетельства об этом мы имеем из описания церковной практики II века. Св. Иустин, мученик, опровергая в первой своей Апологии грубые клеветы язычников на порядки и обряды христианских богослужбных собраний, об употреблении Священного Писания и проповеди, весьма выразительно замечает следующее: «В богослужбных собраниях читались Писания пророков (*συγγράμματα τῶν προφητῶν*) и достопамятности апостольские (*αἰσχρολογημάτων τῶν ἀποστόλων*), сколько было потребно (*μεχρὶς εὐχόρις*). Когда чтец оканчивал чтение, то пред-

стоятель (проестоѣ) говорил увещательное слово, в котором убеждал следовать тем добрым наставлениям, которые прочитаны были из Писания». Рядом с этим свидетельством Иустина, хотя не столь ясное в своих подробностях, может быть поставлено свидетельство Тертуллиана (apol. adv. gen., с. 30). «Мы сходимся, то есть в богослужебные соборания, для слушания Божественных Писаний... Мы укрепляем нашу веру чрез Священное слово, питаем наши упования, утверждаем надежду, и чрез усвоение Божественных заповедей делаем священное учение сильным в наших сердцах. Мы увещеваем друг друга, наказуем друг друга и руководимся судом Божественного слова. Суд Божий имеет здесь тем более значения, что никто не сомневается в том, что он присутствует пред лицом Божиим».

Ориген как проповедник и церковный оратор

Говоря об Оригене как экзегете и толковнике, мы видели, что он в изъяснении Священного Писания следовал методу аллегорического толкования и предпочитал его буквальному способу толкования, называя последний Лотовою женой, превращенной в соляной столб. Этим уже отчасти определяется и характер его проповедничества, потому что его беседы, или гомилии, состояли в изъяснении стиха за стихом известного отрывка Священного Писания, читанного в данном случае перед народом в Церкви; так что работа его как церковного оратора почти смешивалась в этом случае с работою экзегета. Несмотря на это, однако ж, между его комментариями в собственном смысле и церковными беседами есть существенное различие: первые преследуют главным образом интересы знания, — интересы научиться без всяких практических приложений и применений. Последние же прежде всего наблюдают цель назидания верующих. Различие это ясно показывает нам сам Ориген. В своей седьмой беседе на книгу Левит он говорит: «Обязанность, которую мы исполняли в настоящий момент, состоит не столько в верном толковании Священного Писания, сколько в назидании общества верующих; но это тем не менее не помешает внимательному слушателю найти в предлагаемых нами предметах верный путь к правильному пониманию Священного текста». Как бы то ни было, его гомилии во всяком случае составляют драгоценное сокровище для церковного витийства, давая нам возможность оценить его ораторский талант, они кроме того сообщают нам верное понятие о форме и характере евангельской проповеди в III веке.

Ориген обладал всеми свойствами, которые составляют неотъемлемую принадлежность всякого замечательного оратора. Дикция ясная и легкая, богатое воображение, сила внутреннего убеждения, проникающая прямо в сердце, увлекательное воодушевление, иногда довольно продолжительное, но без резких перерывов и промежутков, — все соединялось в Оригене, чтобы сделать его проповеди увлекательными и интересными. Поэтому не трудно объяснить и представить себе необыкновенно живое впечатление, которое производил он на своих слушателей. Будучи мирянином, он не проповедовал в Александрии, и александрийский епископ Димитрий никогда не позволял ему восходить на церковную кафедру, даже и после посвящения его в сан пресвитера. Епископы же палестинские согласились, как мы видели, возложить на знаменитого Оригена бремя назидания и научения верующих в церков-

ных собраниях. Получивши сан священства, Ориген и после изгнания своего из Александрии не переставал предаваться служению проповеди до самого конца своей жизни. Всюду, куда он прибывал, в Кесарии, в Иерусалиме, везде епископы обращались к нему с просьбою изъяснить Святое Писание народу; и он выполнял возложенную на него задачу с полным успехом, которого всегда можно было ожидать от его всеобъемлющего и огромного таланта. В третьей своей беседе на книгу Левит, произнесенной после 245 года, он говорит о своих проповеднических трудах, как служении, проходимом им уже очень давно. В самом деле в это время он мог считать уже более двадцати лет своей проповеднической деятельности. И однако же он, по свидетельству Евсевия, дозволил скорописцам записывать его проповеди уже тогда, когда ему было шестьдесят лет (VI, 36); не будь в нем этой скромности, не чуждой и некоторого рода благоразумия, нам не пришлось бы сожалеть о потере большей части его гомилий. Количество же их должно быть весьма велико, так как Ориген импровизировал весьма часто; этому обстоятельству удивляться вовсе не следует, так как он, по свидетельству св. Памфила, проповедовал почти каждый день, следовательно, для письменного составления проповедей у него не могло быть достаточно времени. Сто восемьдесят шесть гомилий, оставшихся нам от него, могут поэтому дать весьма неполное представление о его проповедническом служении. Блаженный Иероним в свое время читал более тысячи его проповеднических произведений; это было еще в V веке, но и эта цифра намного должна была бы увеличиться, если бы сюда включить все те проповеди, которые никогда не были записаны.

Выше мы видели, что христианская проповедь проявлялась под двумя главными формами: формою слова и гомилии; сообразуясь с этими формами, проповедники слова Божия или трактовали и развивали перед народом какую-нибудь частную доктрину или же изъясняли стих за стихом отрывок Писания. В этом отношении церковь христианская унаследовала и развивала традиции древней иудейской синагоги. В Александрии и вообще на всем востоке гомилетический род проповеди, не слишком требовательный относительно правильности построения и развития, преобладал перед изложением одного сюжета, заимствованного из христианской догмы или морали, говоря иначе, гомилия преобладала там перед словом. В то время, как и ныне, чтение перикопы или отрывка Священного Писания составляло одну из существенных принадлежностей христианского богослужения, и Ориген прямо свидетельствует, что этот обычай существует в Церкви со времен апостольских. После чтения, непосредственно, проповедник изъяснял присутствующим Священный текст, чтение которого они только что слушали, это-то объяснение и составляло так называемую гомилию. Во время проповеди вместе с верующими дозволялось присутствовать и оглашенным, и только по окончании ее они должны были выйти из собрания. В седьмой беседе на евангелиста Луку Ориген прямо спрашивает оглашенных: «Кто соединил вас с Церковью? Кто заставил вас покинуть ваши дома и идти в настоящее собрание? Во всяком случае не мы обходим ваши дома, чтобы звать вас, но всемогущий Бог невидимою силою возбудил эту ревность в ваших душах». Иногда он говорит прикровенно, особенно когда излагаются таинства Евхаристии. Отсюда — присутствием оглашенных в собрании объясняются подобного рода формулы, каковы:

«Мы не будем долго останавливаться на этом предмете... Посвященные в тайны знают, что должно мыслить об этом и пр.». Что касается до продолжительности поучений, то она по необходимости должна была разнообразиться, смотря по длине и важности библейского отрывка, который служил темой для проповеди. Такая беседа Оригена, какова первая на книгу Царств, могла потребовать для своего произнесения времени не менее часа, другие же далеко не достигают таких размеров; большая часть должна была ограничиваться не более, как получасом. Несмотря на талант проповедника, народ скучал за длинными проповедями; Ориген не осмеливается объяснять всю песнь Деворы, потому что говорит: приходящие в церковь любят краткие проповеди. Вот почему он ограничивается иногда, как сам выражается, собиранием только некоторых цветов с поля Писаний, вместо того чтобы производить полную жатву. Во второй беседе на книгу Исход он говорит, что если бы он захотел сделать обозрение всех тайн, содержащихся в повествовании о спасении Моисея фараоновою дочерью, то ему едва ли бы достало целого дня для их раскрытия. Кроме того, проповеди Оригена ясно показывают нам, что епископы иногда давали направление проповеднику и назначали даже тему для проповеди. Так, однажды епископ прервал Оригена и назначил ему предметом для рассуждений библейское сказание о волшебнице Аэндорской, вызывавшей дух Самуила, и Ориген начинает трактовать об этом предмете. Тринадцатая его беседа на пророка Иезекииля представляет нам новый пример посредничества епископа в избрании темы. «Епископы, — говорит оратор в начале, — повелевают нам истолковать слова, относящиеся к владыке Тира, и рассмотреть его заслуги и заблуждения; они желают также, чтобы мы параллельно с этим сказали несколько слов о Фараоне, царе Египетском». Отсюда видно, что епископы принимали деятельный надзор за делом проповеди и определяли даже ее направление сообразно нуждам верующения.

Эти подробности составляют живой интерес для истории церковного красноречия; потому что гомилии Оригена составляют древнейший сборник этого рода, какой только мы находим в церковной литературе. Они переносят нас, так сказать, в сердце III века, религиозная и нравственная жизнь которого отражается здесь со всеми подробностями относительно его культа и дисциплины. Проповедовали тогда каждое воскресенье и каждый праздник. «Тогда как иудеям манна не была ниспослана в день субботний, — говорит проповедник, — слово Божие, эта небесная манна, нисходит каждое воскресенье на верующих. В Александрии, а также и в других местах, проповедовали кроме того в среду и пяток, которые были днями поста по преданию самому древнему». Но из сочинений Оригена можно заключить, что сам он проповедовал почти каждый день; так, в своей тринадцатой беседе на книгу Числ он напоминает слушателям о слове, говоренном накануне. Иногда он обличает тех из своих слушателей, которые посещают Церковь только в праздничные дни, нерадя таким образом о слушании слова Божия более частом. Чтобы не составить нам вообще слишком высокого понятия об усердии слушателей Оригеновых, представим следующий красноречивый отрывок из его проповеди.

«Не должны ли мы плакать и стенать, видя, что вы не приходите слушать слово Божие, что вы являетесь в церковь лишь по праздничным

дням и то не столько из желания послушать слово Божие, сколько увлекаемые торжественностью и под предлогом принять участие в общественном торжестве? Итак, что же я сделаю, я, которому вверено служение слова? Пусть я служитель бесполезный, но все-таки на меня возложена Господом обязанность раздавать его людям меры пшеницы. Но выслушайте слова Господни. Вот они: «Мера пшеницы должна быть раздаваема каждому во время». Итак, где же и когда я могу выбрать удобное для вас время? Большая часть вашего времени, скажу более — почти все выше время, вы проводите на публичных местах, в мирских занятиях или занимаетесь торговлею. Один остается на своем поле, другой следит за своим процессом, что же касается до слова Божия, то никто об нем не заботится или по крайней мере мало найдется таких, которые бы находили для себя удовольствие слушать его. Но зачем мне толковать о делах, которые вас занимают? Зачем жалеть об отсутствующих? Даже вы, присутствующие в церкви, вы оказываетесь мало внимательными; рабы привычки, обращаете спину к слову Божию или к Священному тексту, чтение которого вам предлагают. Я опасюсь, чтобы Господь не отнес также и к вам следующих слов пророка: «Они обратили ко Мне спину, вместо того, чтобы представить Мне лице». Итак, что же я сделаю, я, который должен возвещать вам слово Божие? Вещи, о которых предлагается вам чтение, суть вещи таинственные; они прикрыты покровом аллегории, в тайну которой нужно проникнуть. Но какое средство перенести эти перлы святого слова в глухих, к народу, отвращающему слух?» и пр. (на Быт., бес. X).

Эта картина, конечно, мало рекомендует тех слушателей, к которым обращается Ориген; и во всяком случае, как бы ни было велико его ораторское увлечение, трудно предположить, чтобы христиане, поистине ревностные в исполнении своих обязанностей, могли навлечь на себя такой суровый упрек. Говоря немного далее о тех, которые не радят принимать участие в собраниях верующих и быть участниками в слушании слова, проповедник восклицает: «Скажите мне вы, которые приходите в Церковь только по праздничным дням, неужели другие дни не суть также дни Господни? Оставьте иудеям наблюдать только редко случающиеся торжества. Христиане каждый день вкушают Плоть Агнца, то есть Плоть Слова Божия, каждый день вы приглашаетесь к источнику, как Ревека, чтобы почерпать из него воду слова Божия». Эти слова мало показывают, что сам Ориген проповедовал собственно каждый день, по крайней мере в то время, когда он изъяснял пред собранием верующих книгу Бытия; потому что приведенные нами выдержки взяты нами из десятой его беседы на эту книгу. Нужно, впрочем, заметить, что этого требовала самая последовательность его гомилий, которые представляют нечто вроде цельного курса чтений по Священному Писанию применительно к понятиям народа. Неутомимый оратор избирал темой своих поучений книгу Ветхого или Нового Завета и не оставлял ее до тех пор, пока не объяснял ее всю от начала до конца. Если бы он говорил только чрез каждые семь дней, то есть один раз в неделю, именно по воскресным дням, то подобный план был бы трудно выполним. Не видно даже, чтобы Ориген имел обычай прерывать курс своих бесед во дни великопраздничные, чтобы избрать сюжет для своей проповеди приличный и соответствующий обстоятельству. Мы можем заключить по одному месту из пятой его беседы на пророка

Исаию, что она была произнесена при великом стечении народа в Великую пятницу (Ном., V, 2: *Et quia nunc populo multitudo est propter Parasceven*.), и однако ж в ней мы не встречаем ни единого слова о смерти Христа: проповедник продолжает всецело следовать порядку стихов, которые он изъяснял в это время. Этот метод, конечно, представлял много преимуществ, потому что он вводил в понимание Священного Писания тех, которые имели обыкновение часто присутствовать при богослужении, и нужно только сожалеть, что правильное, постоянное и методичное изъяснение Евангелия не составляет более обычаев, приемов современного проповедничества.

Посмотрим теперь, по какому плану Ориген построил свои поучения. Так как каждая перикопа Священного Писания могла заключать в себе разнообразные сюжеты, то недостаток систематичности и единства становился почти неизбежным. Оратор раскрывал истины догматические или нравственные, по мере того, как священный текст представлял ему к тому случай. Возьмем для примера первую его беседу на книгу Царств, имеющую своим предметом рождение Самуила. Беседа эта была произнесена в Иерусалиме, потому что она заключает ясный намек на епископа этого города. Нельзя представить себе ничего более прекрасного и благородного, как приступ, где Ориген как бы извиняется в том, что не владеет такими же качествами, какие верующие христиане иерусалимские привыкли видеть в своем первом пастыре. Затем сравнение Церкви с полем, на котором растет множество самых разнообразных деревьев, из которых одни производят плоды сладкие и приятные, а другие плоды горькие и невкусные, хотя каждое из них имеет свою удобоприменимость и приносит свою пользу, он этим, так сказать, ораторским маневром завоевывает себе внимание слушателей.

«Итак, не ищите в нас, — говорит он, — того, что вы привыкли находить в вашем епископе Александре. Мы признаем, что он превосходит всех нас своею кротостью и своею любовью. И не я один только прославляю и превозношу эти качества в нем; вы все знаете их по собственному опыту, — и сами представляете в этом неопровержимое свидетельство. Мы можем также быть растениями того же поля, и таково наше желание, но это тем не менее не лишает нас возможности иметь не такой же вкус. В наших плодах есть, мы сознаемся в том, некоторого рода горечь, или скорее такова она только по виду, потому что упрек и обличение кажутся горькими только в момент их принятия; но горечь эта становится сладкою по тем переменам, какие она производит».

Для того, чтобы оправдать суровый тон, который он по временам принимает, Ориген ссылается на пример Самого Спасителя, Который, всегда обещаая одним блаженства, не переставал говорить другим: «Горе вам, нарушающим заповеди». Святой Павел также не был одинаков по отношению ко всем; он готов был вооружиться палицею, когда видел, что кротость и снисходительность не приводили к желательному результату. После этого воодушевленный оратор проводил параллель между собою и епископом Иерусалимским, который без всякого сомнения присутствовал при произнесении беседы. «Я вам сказал об этом вначале, — продолжает Ориген, — потому что знаю, что вы привыкли к кроткому и снисходительному слову вашего отца; между тем как кустарники нашей плантации имеют некоторую долю горечи во вкусе. Но по вашим молитвам я смею надеяться, что вы превратите их для

себя в спасительные врачевства. Между лекарствами одни есть приятные, другие острые и даже с горечью. И однако каждое из них доставляет свою относительную пользу, когда употребляют в меру и в приличное время».

После этого приступа, внушенного оратору особым обстоятельством, Ориген рассказывал в нескольких словах начало первой книги Царств, чтение которой только что было окончено чтением. Окончив это повествование, он вдается непосредственно и прямо в аллегорическое толкование, стараясь отыскивать под простою и нагою буквою целый ряд моральных приложений. «Был один человек из Армафема, так начинается книга. Что это значит «один человек», восклицает тонкий толковник? И вот он пускает в ход все свое тонкое аллегорическое толкование. Так как мы остаемся рабами греха, то каждый из нас не представляет в себе одного, но нескольких. Мы переходим попеременно от печали к радости, от беспокойных хлопот к спокойствию, от забот о духовных наших интересах к исканию богатства и почести. Диск луны не подвергается стольким переменам, как наше сердце, обуреваемое тысячью страстей, его возбуждаемых. Один означает праведника, всегда себе равного, так сказать, тождественного; он есть причастник Божественной неизменяемости; у него одна мысль, одно чувство и одна воля, короче: он обладает совершенным единением как в своей личности, так и в своей жизни». Правда, мысль прекрасная, но сам по себе текст не представляет никакого повода к подобным размышлениям. Проповедник продолжает все в том же тоне. «Был один человек с горы Ефремовой». Итак, праведник не выходит из равнины или вообще из какого-нибудь низкого места, но сходит с горы, с высот, где пребывает Бог. И еще, с какой горы? Ефрем, или Ефраим, означает «гору плодоносную». Высоты, откуда нисходит праведник, обильны плодами. Также праведник, о котором говорит Писание, называется Елкана, что значит «владение Божие». В самом деле человек, не разделяющийся с самим собою, твердо пребывающий в единстве добра, такой человек есть владение Божие, а не владение демонов. Писание прибавляет также, что Елкана имел двух жен: Анну и Феннану. Но мы не останавливаемся, так сказать, на поверхности текста. Феннана означает «обращение», Анна — «милость». Каждый, желающий быть владением Божиим, должен соединиться с этими двумя супругами, то есть привести себя к обращению посредством милости. Плоды этого двойного супружества духовного будут делами правды и святости.

Из представленных примеров можно видеть, какого метода держался Ориген в своих беседах. Не задавая себе никакого определенного плана, не стеснясь никакими делениями определенными, он изъяснял Писание стих за стихом, даже слово за словом, усиливаясь извлекать из него все, что оно заключало, как в смысле буквальном, так и навязывая ему еще смысл таинственный. Иногда он останавливался, делал перерывы и обращался к своим слушателям с просьбою соединить их молитвы с его собственными, чтобы достигнуть уразумения какого-нибудь трудного места. Особенно замечательна его забота о направлении их внимания на собственное их нравственное состояние. Отсюда эти частые увещания и обличения, которые направляются на целое общество с его пороками и страстями; но эти обличения в то же время сообщают его беседам более действенности и жизненности. Без

этого непосредственного общения, общения живого оратора с собранием верующих гомилия часто походила бы на чистый и простой комментарий библейского текста. Заключение в Оригеновых беседах вообще кратки и неожиданны: они ограничиваются обыкновенно молитвою или кратким нравственным приложением. Так, в девятой беседе на книгу Бытия, напомнивши о том, что потомству Авраама определено завладеть землею его врагов, он делает заключение в следующих чертах: «Но какая мне польза от того, что племя Авраамово или Христос, покорило неприятельские города или мой город не составил доли в его насилии? Если в городе моей души, которая есть город царя великого, не уважались ни его законы, ни его постановления? К чему послужило бы мне то, что Христос победил весь мир и покорил под Свою власть крепости Своих врагов, если бы Он также не победил Своих врагов во мне самом и не разрушил бы закона в членах моих, противоявляюща закону ума моего, и оставил бы меня рабом греха. Итак, будем стараться в нашем теле и душе представить Христу триумф на его врагов, чтобы после того, как они будут побеждены и покорены, Он приобрел и город нашей души. Таким образом, мы разделим с Ним лучезарную славу, как звезды небесные, так что и мы также получим благословение Авраамово от Христа Господа нашего, Которому честь и слава во веки веков. Аминь».

Эта формула заканчивает почти все гомилии Оригена; если он ее иногда опускает, то заменяет другой совершенно разнозначащею. Если мы теперь, после определения внешних форм этой проповеди, захотим проникнуть в дух ее, то найдем, что никогда христианский оратор не понимал лучше того преобразования, которое производится в человеке под влиянием Евангелия. В этой части своих трудов Ориген рассматривает христианство как принцип жизни деятельной и плодоносной, которая должна простирается на всю деятельность человека для того, чтобы возвышать его и усовершенствовать. Одну из забот представляло Оригену то обстоятельство, что верующие забывали часто различие, которое отделяет Новый Завет от Ветхого, — и ту ступень духовного совершенства, которым должен воодушевляться христианин. В этом случае он употреблял все свои усилия, чтобы напомнить ученикам Евангелия о святости их призвания. Его беседы полны постоянной борьбы со всем тем, что может осквернять чистоту души, сотворенной по образу Божия и восстановленной Христом. Эта некоторого рода суровость его речи не представляет ничего удивительного в человеке, которому высокая строгость его собственной жизни давала нравственное право карать пороки своих современников. Некоторые хотя и видят озлобление и мстительную едкость в известных местах, где Ориген весьма сильно восстает против скупости и честолюбия некоторых епископов своего времени; но здесь ничего нельзя находить кроме чувств ревностного пастыря, который смотрит на духовную власть, как на служение, а не как на мирское владычество. В своей одиннадцатой беседе на пророка Иеремию он не усомнится изъяснить это народу по поводу следующего текста: «священники их не принесут им пользы»; и хотя не принимает этих слов пророка в буквальном их смысле, однако же извлекает из них совершенно справедливое применение.

«Если мы размыслим о том, что написано, то слова эти могут быть полезны для нас, равно как и для вас; для нас, которых вы видите в

духовном звании, которого многие желают достигнуть. Итак, знайте, что духовное звание не спасет само по себе; есть священники, которые погибают, равно как есть миряне, которые достигают блаженства. Поэтому если найдутся в духовном звании люди, не ведущие жизни сообразно с их достоинством, то эти слова пророка по справедливости можно отнести к ним. Для них полезно не председательствовать в соборании верующих, но проводить жизнь сообразную с их званием по заповедям Господним. Положим, Писание заповедует и вам также жизнь добродетельную. Но наказание увеличивается с властью, если можно так выразиться. С меня потребуются ответственности более, чем с диакона, с диакона более, чем с мирянина. Что же потребуются от того, который выше всех нас, кто занимает высшую власть церковную?»

Так понимал Ориген долг и обязанность людей, поставленных в различные условия жизни; после этого ему можно было требовать от других того, что он сам исполнял.

Все гомилии Оригена свидетельствуют о его глубоко христианском чувстве, которое показывает, в какой степени Евангелие проникало его душу. Он старался своими поучениями воспитывать внутреннего человека, так чтобы внутреннее единение верующего с Богом стало неразрушимым основанием нравственной деятельности. Для Оригена внешнее оправдание, оправдание законом не имеет никакой силы, если оно не проистекает изнутри, как выражение души, соединенной с Богом союзом любви. Вот почему он для уяснения отношения верных ко Христу столько раз употребляет образы супруга и супруги, которые хотя слишком мистичны, но между тем прекрасно выражают то, что есть глубочайшего и лучшего в христианской психологии. Эти увещания к внутренней чистоте проистекали таким образом из высокого понятия о человеке, его призвании и его обязанностях. Язык оратора принимает увлекательный тон всякий раз, когда он касается образа Божия, который мы носим в себе и черты которого должны блистать во всей их красоте. Нельзя не цитировать этих страниц, в которых нравственный оттенок отвечает так прекрасно самым лучшим стремлениям человеческого духа:

«В вашей душе должен сиять образ Божий. Это есть образ, о котором Отец сказал Своему Сыну: сотворим человека по образу Нашему и по подобию, Сын Божий есть художник этого образа, и так как он есть произведение такой кисти, то может быть только затемнен нерадением, но не совершенно изглажен злом. Сколько вы ни покрываете слоем земли, образ Божий остается в вас. Когда вас ослепляет удовольствие, вы примешиваете к этому образу цвет земной, вы присовокупляете к нему другой, когда алчные желания золота кипят в вас,— третий, когда уступаете горячим стремлениям мести. Гнев, нечестие, все роды зла суть настолько различные цветы, что из соединения их образовывается в вас другой образ, который не есть образ Божий. Поэтому-то мы должны молиться тому, который сказал нам чрез своего пророка: Я рассею ваше беззаконие, как облако, и ваши грехи, как туман. После того, как будут уничтожены все эти цветы, рассеянные злом в вашей душе, тогда воссияет в вас образ, который сотворил Бог» (на Быт., бес. XIII).

Рядом с этою первою метафорою плодovitое воображение Оригена рисует ему другую, не менее поразительную. Каждый из нас, говорит он, пишет в своей душе, и Бог также пишет в ней. Мы пишем собствен-

ною нашею рукою запись наших грехов, между тем, как письма Христа отпечатываются на плотских скрижалях нашего сердца не чернилами, но Духом Живого Бога. Эту запись, которая содержала общий итог нашего долга, Христос разорвал Своим крестом, воды крещения Его уничтожили. Итак, перестаньте писать новые записи, не восстанавливайте того, что разрушено, ограничьтесь записью Бога, Писанием Святого Духа». Ориген отличается этими сравнениями, столь способными занять ум слушателя и рельефно преподать ему урок нравственности. Природа и общество каждый раз снабжают его образами, которыми он пользуется с редким счастьем. Оттого его проповеди имеют форму в высшей степени народную, хотя оратор раскрывает здесь самые высокие истины религии. Даже в том случае, когда он говорит о предметах, не совсем удобопонимаемых, он сумеет приспособиться к пониманию слушателей, устанавливая искусно и в то же время просто отношения, которые могут существовать между чувственным и духовным. Хочет ли он показать, какой грех требует для исцеления особенно продолжительного покаяния, он в болезнях тела человеческого находит пример для выяснения этой мысли:

«Когда тело получает какую-нибудь рану, когда разбивается какая-нибудь кость, когда нервы разрываются, то достаточно бывает одного только часа, чтобы все это случилось; но как далеко выздоровление! Какой длинный ряд терзаний и мучений! Кроме опухоли, которая образуется на самом месте раны, все остальное тело испытывает боль. Представьте же себе теперь, что эта самая рана, что тот же самый перелом возобновляются и на том же самом месте, какое наказание во все продолжение лечения! Сколько времени потребуется для того, чтобы больной поправился? Допустим даже, что он выздоровел, его тело имеет прежнюю силу и красоту. Перейдем теперь от тела к душе. Каждый раз, как душа грешит, она получает рану; грехи суть также как бы стрелы и мечи, которые ее пронзают. Вот почему апостол увещевает нас вооружиться щитом веры, о который разобьются все стрелы лукавого. Итак, вы видите, что грехи суть также стрелы демона, поражающие нашу душу. Подумайте же о том, сколько времени потребно для исцеления подобных ран. О, если бы могли видеть, сколько ран внутренних наш человек принимает от каждого греха и в какой степени она изнашивается от худых речей!.. Итак, душа получает раны от языка, получает от мыслей и худых желаний; она разбивается и разрушается делами греховными. Если бы мы могли видеть все эти раны и ощущать мучения души так изъязвленной, то мы не стали бы грешить до самой смерти. Но, с одной стороны, одержимые демонами и помраченные умом не ощущают своих ран, потому что лишены естественного здорового чувства, с другой — алчное желание мирских удовольствий и опьянение, производимое в нас нашими пороками, препятствуют нам понимать, сколь разрушительно действуют грехи на нашу душу. Итак, справедливо, что время покаяния продолжается по мере болезни, которую надо лечить, чтобы заботы и средства соответствовали тяжести наших ран. Итак, какое продолжительное покаяние потребно для исцеления болезни, чтобы заботы и лекарства соответствовали глубине наших ран».

Это сравнение между ранами тела и грехами есть одно из таких, которые выходят весьма часто из-под пера Оригена. Поэтому мы долж-

ны признаться, что он часто повторяется и что одни и те же мысли, одни и те же образы повторяются очень часто в его беседах. Но и невозможно не встретить этого от человека, который так много говорил и так много писал. Его враги не переставали порицать в нем то, что Евстафий Антиохийский и св. Елифаний Кипрский называют «болтовнею без меры». Феофил Александрийский называет Оригена «веятелем слов»; но, очевидно, подобные суждения страшно преувеличены. Ориген никогда не говорит из пустого удовольствия говорить, и каждое его сочинение имеет великую цену.

То правда, что краткость и сжатость не были принадлежностью Оригена, но зато речь его была обильна и ясна. Замечают темноту в некоторых местах его творений, но причины темноты заключаются в самом учении, которое он излагает, а не в выборе выражений, которые всегда просты и удобопонятны. То правда, что Ориген часто разводит свою мысль, представляя ее в различных формах, — пример чего мы сейчас представим, — но это он делает для того, чтобы быть более понятным, чтобы исчерпать свой предмет до мельчайших подробностей и при этом многословие неизбежно, и во всяком случае оно никогда не может быть поставлено в вину проповеднику-импровизатору, который заботится главным образом, чтобы быть понятным для своих слушателей. Вот пример такого многословия. В VIII гомилии на Мф. 5, 23—28 он изменяет слова Евангелия: «когда Иисус спал, ученики пришли к Нему, говоря: Господи, спаси нас, мы погибаем» следующим образом:

«Господь уснул». Такое удивительное и замечательное событие. Тот, Кто никогда не спал, погрузился в сон. Тот, Кто управляет небом и землею, уснул! Тот, Кто никогда не спит, представляется спящим! Да, Он спал телесно, но Своею Божественною силою возмущал море, поднимал волны, устрашал Своих апостолов, чтобы дать им потом доказательство Своего могущества. Иисус Христос спал по отношению к тому, подобно тому, как сидел у колодца, усталый от пути, пока был телом человеческим. Иисус спал, как человек, но силой Своего Божества Он возмущал море и потом утишал его. Он спал телесно, для того, чтобы возбудить Своих учеников и сделать их бодрыми; а главным образом с целью научить нас, чтобы мы не допускали заснуть нашей душе, нашему уму и благоразумию, но чтобы бодрствовали во всякое время, прославляя Господа и прося у Него здоровья и жизни.

Ученики, приблизившись к Иисусу, разбудили Его и сказали: «Господи, спаси нас, мы погибаем». Страх, объявивший апостолов, был так велик, что они потеряли присутствие духа так, что вместо того, чтобы приблизиться к Иисусу с почтением и разбудить Его тихо, они бросились к Нему и разбудили Его нечаянно — вдруг, говоря: «Господи, спаси нас, мы погибаем». О блаженные и верные ученики! С вами был ваш Бог и Спаситель, и ваша Жизнь с вами, а вы боитесь смерти. Устремленные волнами моря, вы будите Того, Кто его сотворил, как будто Он не мог утолить, представляясь даже вам спящим.

Но что отвечают на это возлюбленные ученики Господа Иисуса? «Мы еще слабы, как дети, — говорят они, — мы не имеем еще надлежащей силы, оттого мы боимся, оттого трепещем. Мы не видели еще Креста, смерти Господа, Его воскресения и вознесения на небо, мы не получили еще обещанного нам Духа Святого, оттого мы маловерны, в чем Господь нередко укорял нас».

Заключим обзор бесед Оригена замечанием об их тоне, смиренном и благочестивом. Ориген, столь смелый в своих философских сочинениях, удивительно скромен и даже робок пред тайнами Священного Писания. Он постоянно обращается к Богу, когда хочет объяснить какой-либо трудный для уразумения текст, и с Неба ждет просвещения своего ума и сердца. Это обращение к Богу, излагаемое в виде молитвы, не могло не иметь самого живого действия на дух слушателей. Мы приведем для примера только одну из этих кратких молитв, имевших особую прелесть в устах Оригена. Изъяснив мистический смысл предметов, которые служили для украшения ветхозаветной скинии, он прерывает беседу, чтобы подвести к Иисусу Христу этот голос сердца: «Сотвори, Спаситель Иисусе, чтобы я удостоился быть чем-либо из того, что может способствовать украшению Твоей скинии. Я желал бы, если бы это было возможно, чтобы Ты нашел во мне это золото, которым можно покрыть ковчег и из которого можно сделать светильник. При недостатке в золоте я желал бы иметь хоть немного серебра, пригодного на устройство колонн и их основания. Если и этого нет, то удостой меня быть хотя частью той меди, из которой вылиты были животные, служившие для украшения храмов».
